

Будущее очевидцев

Проект кружка «Молодежь за Дору»

Вступительное слово	4
Проект «Будущее очевидцев»	7
Кружок «Молодежь за Дору».	9
Сроки и участники поездок	10
Пью Биго	12
Анри Буссон	16
Сюзанна Гателье-Орибол	20
Альберт ван Хой	24
Ежи Ясиньски	28
Ноах Клигер	32
Владимир Степанович Кошан	36
Борис Пахор	40
Павел Александрович Петченко	44
Владимир Максимович Садко	48
Мечислав Щежиньски	52
Моше Шен	56
Иван Данилович Смакакрой	60
Пётр Поликарпович Супрун	64
Мариан Вах	68
Первые итоги	72
Благодарности	76

¹ Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности/Пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004, с.246.

Ян Ассман определил память о прошлом как «первичный религиозный акт», как «связь с прошлым, память о нем, его увековечение». В этом определении памяти – надежда на сохранение и продолжение собственной идентичности, а во времена преследований и сила, помогающая выдержать происходящее.

Этот аспект выходит на первый план, когда речь идет о периоде с 1933 по 1945 годы. Массовые убийства европейских евреев (шоа), преступления национал-социалистов по отношению к отдельным людям и меньшинствам, чудовищная лагерная система, а также эксплуатация миллионов людей, занятых принудительным и рабским трудом остаются в центре воспоминаний об этой эпохе.

Воспоминания принадлежат самим жертвам – они оставляли их непосредственно во время происходящего и после завершения страшных событий. Подземные архивы гетто, переписка, последние письма, дневники, рисунки, даже процарапанные на стенах имена и другие записи – все это говорит о том, что жертвы хотели сохранить себя в памяти потомков. Это страстное желание рассказать о себе, оставить свидетельство, даже если из самих свидетелей никого не осталось, было в эпоху массовых преследований и убийств в Европе главным мотивом, побуждающим узников хоть как-то, хоть где-то увековечить себя.

Сами бывшие узники сразу после освобождения, еще только нащупывая путь возвращения к жизни, пытались восстановить память – задолго до того, как появились такие понятия как «проработка истории» (Aufarbeitung der Geschichte) или «работа памяти» (Gedenkarbeit). Они ставили памятники в лагерях для перемещенных лиц, собирали материалы выставок, печатали книги, организовывали исторические комиссии, проводили взаимные опросы, ставили пьесы и даже снимали фильмы. Их свидетельства удивительны в своем многообразии и в то же время аутентичны. Они представляют собой различные формы воспоминаний – сохраненные жертвами и их потомками, - которые нельзя отождествлять с тем, что называется политикой памяти, мемориалами, с тем, что понимается под этими словами. Профессионализация памяти осуществлялась в Европе несколькими волнами, к тому же политическая трактовка ее была

различной. Если в одних государствах понимание памяти было скорее коммунистическим, например, евреи не выделялись как отдельная группа жертв, то в других на переднем плане находилось движение сопротивления и партизаны, а в третьих евреи признавались жертвами, а такие группы как синти, рома или гомосексуалисты – нет. Еще и сегодня, к сожалению, не во всех государствах признаны все группы жертв преследований.

Дискурсы и обсуждения, посвященные памяти, продолжают уже много десятилетий, и все это время голоса самих жертв доносятся до нас лишь изредка, а еще реже – адекватно включаются в дискуссию. Разговоры с очевидцами, систематические интервью с ними получили широкое распространение лишь в последние 20 лет.

Но бывшие узники уходят от нас, каждый день несколько человек из них умирает, близится время, когда живая память о шоа и других преступлениях нацистов сменится вторичными свидетельствами тех, кто только слышал о них, или тем, что запечатлено в книгах, фотографиях и других средствах информации. Поэтому так важны срочные действия – каждый школьный класс должен сегодня же познакомиться с одним из переживших преследования. Возникает вопрос – что делать? Проводить все более подробные интервью? Искать новых очевидцев? Расширить понятие очевидца?

Когда я работала в Яд ва-Шем, и кружок «Молодежь за Дору» обратился к нам, не согласится ли Яд ва-Шем сопровождать проект «Будущее очевидцев», мы были глубоко тронуты. Группа молодых ребят, которые в течение ряда лет поддерживали очевидцев, постоянно находились с ними в контакте и работали на мемориале «Дора-Миттельбау», решили провести еще один опрос бывших узников. Они хотели, чтобы очевидцы прошлого не только дали интервью о перенесенном, но сказали бы, какую память о своих страданиях они желали бы оставить потомкам. Такой путь распространения завещания бывших узников показался нам абсолютно адекватным. После обращения в Международную службу розыска в городе Бад Арользен (ITS), эта организация также стала партнером кружка «Молодежь за Дору».

*Кружок «Молодежь за Дору»
при посещении Службы розыска в
Бад Арользене (Сюзанне Урбан –
4-я справа)*

Международная служба розыска в Бад Арользене в первое время собирала и хранила документацию (протяженность ее составляет сейчас 26 километров) для выполнения своей непосредственной задачи – разнобразной помощи тем, кто пережил нацистские преследования, и их родственникам. Им нужно было помочь найти друг друга, выяс-

нить обстоятельства судьбы, а тем, кто после окончания войны получил статус «перемещенных лиц» („Displaced Persons“ (DPs), содействовать в возвращении на Родину или обустройстве на новом месте. Также ITS давала и дает справки о преследованиях и страданиях жертв нацизма и выдает подтверждающие удостоверения, чтобы бывшие узники могли претендовать, например, на возмещение ущерба. Здесь находятся личные и исторические документы, иллюстрирующие судьбы конкретных людей и наглядно демонстрирующие нам, почему главным стержнем памяти должны оставаться голоса самих жертв.

Нам стоит активнее вслушиваться в их голоса и меньше интерпретировать их. Нам следовало бы видеть в этих людях личностей, а не проводников наших собственных представлений. Именно такую позицию занимают участники проекта «Будущее очевидцев», и это заслуживает благодарности. Сообщения и пожелания свидетелей должны стать для нас одновременно и завещанием, и побуждением. Побуждением воздать должное услышанному и завещанием на ту эпоху, когда последний переживший шоа и последняя жертва нацистских преследований покинут нас.

Д-р Сюзанне Урбан

(руководитель службы

исторических исследований Международной
службы розыска в Бад Арользене)

Уже несколько лет общество размышляет о том, что принятая практика культуры памяти близится к кризису, поскольку в обозримом будущем среди нас уже не будет очевидцев массовых преступлений национал-социализма и Холокоста. Подходит время, когда ни одна из бывших жертв уже не сможет внести свое личное воспоминание в обсуждение прошедшего. Перед нами встает серьезнейший вопрос о том, какое будущее ожидает воспоминания об этом отрезке истории: как будут, как могут выглядеть воспоминания о преступлениях нацистов? Как будут проводиться годовщины и памятные мероприятия, когда в них не смогут принимать участие живые свидетели событий? Можно ли каким-то образом «возместить» их отсутствие?

Уже несколько лет в организациях, объединяющих бывших узников лагерей, остаются лишь немногие люди, ставшие когда-то непосредственными жертвами нацистских преследований. На их место приходят дети бывших узников или «посторонние» лица, интересующиеся данной темой.

Обсуждение подобных вопросов и процессов проходит в первую очередь в научном и образовательном дискурсах. Но на сколько часто говорят при этом о трагичности ухода переживших преследования, на столько же редко обращаются за ответом к самим героям трагедии – бывшим жертвам.

Наш проект «Будущее очевидцев» направлен на то, чтобы включить в дискуссию голоса людей, переживших преследование. Мы хотим увидеть в них не только, как это часто происходит, носителей и субъектов передачи воспоминаний. Надо сделать так, чтобы они сами могли участвовать в формировании настоящего и будущего – будущего, в котором пережитое ими останется важной темой обсуждения и рефлексии. Из уважения к личному опыту свидетелей мы записали для потомков видеодокументацию с живыми записями. В интервью записано также – и это было главной целью нашего проекта – какие ожидания, представления и пожелания высказывают наши респонденты в отношении будущей памяти. В ходе проекта мы посетили 15 бывших узников концентрационного лагеря «Дора» и других лагерей. Эти люди живут

сегодня в разных странах. Проект привел нас в Бельгию, Францию, Израиль, Италию, Польшу и Украину. Большое значение мы придавали фактору времени: важно было провести с бывшими узниками несколько дней, чтобы без спешки, подробно, с возможностью рефлексии проникнуть в их личную историю, сегодняшние обстоятельства, услышать пожелания на будущее.

Для подготовки главной части нашего проекта мы провели ряд отдельных мероприятий, посвященных теории и практики проведения интервью, различной трактовки культуры памяти в разных странах, познакомились с техническими деталями видеозаписи. На регулярных встречах участники проекта планировали продолжение работы, обсуждали возникающие трудности и пути их преодоления.

Эта работа, требовавшая больших эмоциональных вложений, продолжалась более года. Одним из ее итогов стала брошюра, в которой собраны биографии наших респондентов, а также выдержки из бесед с ними, посвященные будущему памяти. Приведенные цитаты взяты из интервью, записанных на видеопленку. На DVD воспроизведены также выдержки из записей, в которых сами респонденты говорят о прошлом, настоящем и будущем воспоминаний.

Кружок «Молодежь за Дору» был основан в 1995 году по инициативе бывших заключенных концентрационного лагеря Дора-Миттельбау. Поначалу кружок состоял в основном из школьников региона Нордхаузен, но постепенно, благодаря проектам, учебным поездкам и встречам в международных лагерях, пополнился участниками из других регионов Германии и стран Европы. Сегодня кружок открывает широкое поле деятельности для молодежи, студентов и специалистов. Постепенно формируется сеть участников кружка, включающая международных партнеров.

Мы видим себя в качестве звена, соединяющего гражданское общество, мемориальный комплекс и самих бывших узников (либо их завещания). Именно такое понимание подвело нас к идее проекта, сориентированного на будущее, дало возможность взять на себя ответственность за сохранение памяти. Свою главную задачу кружок видит в том, чтобы помочь обществу осознать роль мемориальных исторических мест и событий, их воздействия на прошлое и настоящее.

При проведении международных лагерей и семинаров нашей главной темой остается концентрационный лагерь Дора-Миттельбау с прилегающими к нему сооружениями. Особенно значим для нас мемориал Эрих-Юлиусхютте, поскольку мы принимали участие в его оформлении и подготовке к демонстрации. Теперь, благодаря проекту «Будущее очевидцев», мы вышли за пределы национальной границы, посетив страны, где сегодня проживают бывшие узники.

Уход из жизни очевидцев глубоко затрагивает нас. Не только потому, что наш кружок основан по их воле, но и потому, что главной нашей темой и целью являлось поддержание контактов с ними.

Беседы и дружба с бывшими заключенными оставили глубокий след в нашей жизни и наших душах. Особенную благодарность мы приносим Жаку Брюну, Альберту ван Дейку, Альберту ван Хою, Вилли Фровайну, Жану Миале, Иву Беону, Отакару Литомиски и Збигневу Миколайчаку.

Вопрос о том, как будет выглядеть память после ухода очевидцев, какое место в будущем займут их воспоминания, играет для нас

лично и для нас как кружка очень большую роль. Проект позволил нам собрать богатый новый опыт, познакомиться лично с людьми, пережившими преследования, с их свидетельствами и пожеланиями. Это последнее обстоятельство побуждает нас к новой деятельности. Нам бы хотелось, чтобы проект и его результаты, оформленные в виде брошюры и на DVD, стали исполнением воли бывших узников, внесли свой вклад в будущее памяти.

Сроки и участники поездки

Первая поездка по проекту состоялась в начале июля 2009 года. Члены кружка «Молодежь за Дору» Рубен Кольберг, Женни Линде, Оливер Марле, Мартин Неквазиль и Аника Утлеб ездили в Бельгию к Альберту ван Хою.

В том же июле 2009 года члены кружка Кармен Хаузе, Йоханна Шойер и Аня Шиллинг провели девять дней в Польше. Вместе с польским участником проекта Романом Громеком, а также переводчиками Давидом Ройковски и Евой Голата из Фонда польско-немецкого примирения они посетили бывших узников Мариана Ваха, Ежи Ясиньски и Мечислава Щежиньски.

24 августа 2009 года члены кружка Доротея Аугуст, Женни Линде и Аня Шиллинг вместе с Надей Думлер и украинской участницей проекта Катериной Симоновой отправились в 14-дневную поездку по Украине. Они посетили там Петра Поликарповича Супруна и Владимира Максимовича Садко в Запорожье, а также Владимира Степановича Кошана и Ивана Даниловича Смакакроя в селе Халча. В завершение поездки вместе с Татьяной Хорват, помогавшей им в переводе, они совершили визит к Павлу Александровичу Петченко в Одессе.

Члены кружка «Молодежь за Дору», 2009

С 20 по 26 августа 2009 года Йонас Аранд и Оливер Марле были в Италии, где встретились с итальянскими членами кружка Диего Кортеше и Франческой Шьортино. Вместе с итальянской участницей проекта Симонетой Витагльяно они посетили Бориса Пахора в Триесте и Пью Биго близ Турина.

В сентябре 2009 года Йонас Кюне, Рубен Кольберг и Себастьян Шёнеман летали в Израиль. В Тель-Авиве они встречались с Ноахом Клигером и посетили Моше Шена в Матане к востоку от Кфар-Сабы.

В последней поездке участвовали Кати Прохаска, Йозефина Ульбрихт и Мартин Винтер: в конце сентября они ездили во Францию. Там они посетили Сюзанну Готелье-Орибол под Парижем и Анри Буссона в Лионе. Их сопровождала переводчица Барбара Хан.

Пью Биго

« « « «

Пью Биго (слева)
во время беседы, 2007

Пью Биго родился 28 марта 1924 года в Пьемонте и вырос в крестьянской семье. Впоследствии семья переехала в Турин, где он окончил школу и выучился на механика. После капитуляции Италии, освобождения Муссолини немцами и создания Республики Сало он, как многие на севере Италии, не пошел в армию. Вместо того чтобы, как полагалось, заступить 30 октября 1943 на военную службу, он отправился в горы и присоединился к Резистенце – итальянскому партизанскому движению. Он видел в этом возможность внести личный вклад в окончание войны и победу над фашизмом.

9 марта 1944 года он был взят под стражу силами СС и приверженцами Итальянской Социальной Республики за отказ от службы в армии и участие в партизанском движении, содержался в Турине, затем – в Бергамо. Оттуда был депортирован в концлагерь Маутхаузен, куда прибыл 20 марта 1944 года и был распределен на строительство филиала Гузен III. Позже работал на размещенных близ Маутхаузена предприятиях концерна «Герман Геринг Верке» под Линцем. Там он начал делать зарисовки лагерного быта, записывать

имена жертв и даты злоупотреблений. При этом он лелеял надежду на то, что когда-нибудь, если останется жив, напишет книгу. Но потом, испугавшись, что записи могут быть обнаружены, выкинул их из кузова грузовика при возвращении в Маутхаузен.

После возвращения в Маутхаузен Пью Биго в декабре 1944 года был отправлен в Освенцим (Аушвиц-Биркенау), откуда через четыре дня, проведенных в карантине, переведен в филиал Моновиц (Аушвиц-III). В так называемом Аушвице-III работал сначала на стройке, а затем на химических заводах Буна (Buna-Werke). Его счастье, говорит он теперь, что у него было образование механика и что он довольно хорошо говорил на немецком – это дало ему преимущества в работе. При эвакуации лагеря его вместе с другими узниками погнали маршем смерти. Когда колонна подошла к Гливице (Gliwice), Пью Биго чудом избежал фактически массового расстрела итальянских узников – на нем была надета рубашка французского заключенного. Это событие настолько потрясло его, что книгу, написанную впоследствии, он озаглавил «Треугольник Гливице. Воспоминания о семи лагерях» («Il triangolo di Gliwice. Memoria di sette lager»).

«Мы не могли дожидаться возвращения домой. (...) Было грустно, ведь война и возвращение на Родину было трудным для всей Европы, не только для Италии, а для всех.»

Пью Биго выдержал долгий переход и дошел до концлагеря Бухенвальд, где 11 и 12 апреля 1945 года стал свидетелем, как узники при приближении американской армии заняли вышки и захватили командование лагерем. После освобождения ему потребовалась медицинская помощь, и только в начале июня он смог отправиться домой.

После войны Пью Биго женился, обзавелся семьей и открыл кондитерскую. Сегодня проживает в Пьюссаско под Туринем, является членом ANED (Associazione Nazionale ex Deportati Politici in campi nazisti) – наиболее крупной итальянской организации, объединяющей бывших узников концлагерей.

После возвращения из нацистских концлагерей Пью Биго пережил тяжелое разочарование: оказалось, что окружающие не готовы были его слушать. Все, кому он хотел рассказать о пережитом, либо уходило от разговоров, либо были заняты собственными проблемами и собственным страданием: «Я все объяснял и пытался объяснить, как жили люди в лагерях уничтожения, а они говорили «ах, здесь тоже была война. Мы тоже многое видели». Это означает, что они не хотели знать», - рассказывает Пью Биго. - «И тогда мы замолчали. Закрыли рты. Мы взялись за работу, ведь надо было строить новую жизнь».

Первая возможность рассказать свою историю представилась ему на встрече с другими пережившими преследования в сентябре 1945 года. Собственно говоря, эта встреча планировалась как праздник, однако и он, и его друзья начали рассказывать о пережитом: «Все слушали меня. Я рассказал мою историю. И там был один момент, когда все нас слушали. (...) весь вечер мы рассказывали, и нас слушали. Планировались танцы, но не состоялись. Сколько я помню, это был, наверное, единственный раз, когда нас слушали».

В тех местах, где он когда-то пережил столько страданий, Пью Биго оказался вновь только в 1980-е годы, когда он вместе с другими бывшими заключенными и историками Туринского университета посетил мемориальные комплексы концлагерей Маутхаузен, Дахау и Бухенвальд. Только в то время и началась настоящая «проработка истории», как в общественном сознании, так и лично для Пью Биго. Тогда он начал рассказывать студентам о том, что происходило в лагерях и как функционировала лагерная система. Поначалу рассказы давались ему тяжело: «Нашей проблемой было сделать так, чтобы нас поняли. (...) Если человек прошел это и, находясь там, пытается объяснить все людям, пришедшим в первый раз, так рассказать, чтобы они поняли. Объяснить все достоверно действительно очень непросто». Экскурсии, проводимые самими бывшими узниками, по мнению Пью Биго, – единственно верная форма передачи истории. Он говорит: «Сейчас, когда они отправляют туда какого-нибудь экскурсовода, и он рассказывает все так поверхностно, это же уже не история, не настоящая, прожитая история». Он кри-

Пью Биго

Йонас Аранд, Оливер Марле, Франческа Шьортино и Диего Кортес в гостях у Пью Биго и его жены Анжелы в Турине

тикует современную манеру ездить в концентрационные лагеря так, «как будто бы это развлекательные поездки». И продолжает с грустью: «Они просто ездят туда (...). И с течением времени все эти вещи забываются больше и больше, или понимаются по-другому». В 1994 году Пью Биго вернулся к своему первоначальному замыслу записать опыт пережитого и начал работу над мемуарами. В книгах он видит серьезную возможность сохранить опыт людей, переживших преследования: «Время стирает воспоминания. А здесь можно было бы сохранить время, воспоминания, историю, виденную собственными глазами. (...) В книгах это возможно». Пью Биго придает большое значение научной аргументации, так, он часто подчеркивает, что записанные в его книге факты подтверждены историками. Однако чисто академические формулировки он воспринимает скептически: «Чтобы писать об истории, нужно описывать жизнь различных людей, их страдания, а чтобы это суметь, нужно услышать рассказ того, кто все пережил сам». Таким образом, бывшие узники, по мнению Пью Биго, – единственные компетентные носители воспоминаний, которые в состоянии передать впечатления, провести экскурсию по территории лагеря и сохранить живую историю. Пью Биго заключает свои слова опасением, что лагеря постепенно забываются или же, по крайней мере, история их искажается.

Анри Буссон

« « « «

Анри Буссон родился 17 февраля 1923 года в Лионе. Вырос в католической, патриотически настроенной семье вместе с шестью своими братьями и сестрами. После того как в 1940 году немецкий вермахт вошел на территорию Франции, Анри решил, что по достижении 18 лет вступит в основанную генералом де Голлем организацию «Свободная Франция».

Под влиянием отца своего друга, коменданта Дескура, Анри Буссон был решительно настроен на совместное с союзниками (в первую очередь с Великобританией) продолжение войны против Германии. Он обязался воевать в составе полка Дескура. 8 июня 1943 года, когда немецкие войска базировались на юге Франции, Анри с пятью другими французами отправился к испанской границе, которую им надлежало перейти в сопровождении «помощника по бегству». Из Испании их должны были переправить в Африку к товарищам по «Свободной Франции».

Не осуществилось ни то, ни другое. «Помощник по бегству» предал Анри и его товарищей, передав их в руки гестапо. Гестапо задержало их всех шестерых 29 июня 1943 года на дороге, ведущей в Перпиньян, и отправило в лагерь Компьень. Через два месяца Анри Буссон с другими пленниками в вагонах для перевозки скота был отправлен в Бухенвальд. Через два дня вагоны прибыли на вокзал Веймара, откуда пленников погнали в Бухенвальд.

29 сентября 1943 года Анри Буссона с двумя его товарищами на грузовике привезли в концлагерь Дора-Миттельбау в Нордхаузене, бывший тогда

филиалом Бухенвальда. Поскольку в то время еще не были выстроены жилые бараки, заключенные не только работали в штольнях, но там же и ночевали. Через год пребывания в лагере Дора Анри Буссон попал в филиал Харцунген, а вскоре после этого – в филиал Элрих. Еще через три месяца, когда эвакуировали лагерь из Южного Гарца, Буссона вместе

Анри Буссон со своим другом Ксавьером

с другими пленниками перевели в Берген-Бельзен, где наконец освободили 15 апреля 1945 года.

После освобождения Анри Буссон вернулся к своей матери во Францию. Вскоре он женился на Соланж – сестре своего лучшего друга Ксавьера, с которым он разделит все тяготы пребывания в концентрационных лагерях. Сам Анри Буссон считает, что именно тесная дружба помогла им обоим выжить.

Анри Буссон с женой Соланж

У Анри и Соланж трое детей. За прошедшие годы семья Анри выросла, сейчас у него уже одиннадцать внуков и правнуков. После падения Берлинской стены, в связи с пятидесятилетием освобождения лагеря Дора-Миттельбау Анри Буссон вместе с другими бывшими узниками впервые посетил мемориальный комплекс «Дора». Вернувшись, он рассказал о своей поездке родственникам, и через год его дети организовали семейное посещение мемориала, глубоко взволновавшее всех.

После возвращения из нацистских концлагерей Анри Буссон начал новую жизнь: с женой, детьми и работой. Время, проведенное в концлагере, поначалу отошло на задний план. Лишь 20 лет спустя он встретился с другими бывшими узниками «Доры» и заговорил с ними о прошлом. В семье, например, внукам он всегда охотно отвечал на вопросы о своем прошлом, однако сам по себе никогда ничего не рассказывал. Ему не хотелось, чтобы к нему проявляли сочувствие, и предпочитал больше думать о будущем. Сегодня он считает важным сделать что-то, что помогло бы сохранить память о случившемся. Поэтому Анри Буссон вступил

«Не стоило бы рассказывать так много, лучше заниматься будущим. Чтобы можно было что-то делать, чтобы не повторилось то, что случилось.»

в организацию, которая, помимо прочего, активно работает со школами и раз в год организует поездки для примерно двухсот школьников на мемориальный комплекс Штрутхоф на востоке Франции. Один раз он сам сопровождал группу школьников в такой поездке, однако был несколько разочарован явным отсутствием интереса со стороны участников. Тем не менее он считает, что верный подход может быть найден через школу, например, проведением различных мероприятий, *«чтобы школьники, прежде всего младших классов, знали об этом, тогда у кого-то из них возник бы интерес»*. Кроме того, он придает большое значение мемориальным комплексам бывших концлагерей. Ему кажется важным сделать эти места доступными, видимыми и понятными, важно сохранить их. Однако к попыткам реконструкции он относится скорее критически: *«Это хорошо, что нет никаких искусственных барачков. Их строительство не имело бы никакого смысла. Даже наоборот»*.

Относительно будущего организаций, объединяющих бывших узников, он говорит, что в его кружке сегодня *«практически больше нет бывших»*, и в него входят дети депортированных, друзья и другие представители общества. Анри Буссон видит здесь шанс: может быть, именно они и есть те люди, *«которые будут объяснять молодым,*

что такое депортация, чтобы это не было предано забвению». Но все же его очень беспокоит уход поколения переживших: *«Я просто думаю, что очень тяжело будет сохранить память об этом, когда никого уже не будет. Ведь никуда не деться от опасений, что когда нас не будет, то всегда найдутся люди, которые по-другому будут рассказывать историю, захотят ее исказить»*. Он с тревогой наблюдает за тем, что происходит с местной культурой памяти в Лионе. Правда, он считает, что объединения бывших, имеющие разную политическую направленность, шаг за шагом сближаются друг с другом. Но если ранее высокопоставленные деятели политики, церкви и общества присутствовали на Днях памяти депортированных, то в последние восемь-десять лет, по его мнению, интерес и активность в этом отношении существенно снизились, что его очень огорчает. Он считает, что в общем и целом в сегодняшней Франции уровень знаний по истории депортации и интерес к ней невысок. Если что-то и знают, то о депортации евреев, но *«намного, гораздо меньше»* известно *«о лагерях, о других лагерях, которые не были лагерями уничтожения, но в которых тем не менее погибло очень много людей»*.

В отношении будущих торжеств, таких как юбилеи освобождения, Анри Буссон придерживается убеждения (по крайней мере что касается мемориального комплекса «Дора-Миттельбау»), *«что это будет делаться очень хорошо»*. Правда, речи там следовало бы произносить таким людям, которые хорошо разбираются в тематике. Наряду с членами семей бывших узников он отводит большую роль в поддержании памяти историкам: *«Я думаю, они наиболее подходящие люди для того, чтобы высказываться по данной теме и по той эпохе»*.

(слева направо): Мартин Винтер, Соланж Буссон, Йозефина Ульбрихт, Барбара Хан, Анри Буссон и Кати Прохаска в Лионе

Сюзанна Гателье-Орибол

« « « «

Сюзанна Гателье-Орибол родилась в мае 1916 года в простой семье. После школы, уже в 14 лет, работала в швейной мастерской в Париже. В канун нового 1933 года на народном празднике она познакомилась с Роже Ориболом, сотрудником французской телефонной компании. В январе 1939 года они поженились, а в августе родилась их дочь Даниэль. Под влиянием своего мужа Роже, члена Коммунистической партии, Сюзанна заинтересовалась политикой. В ответ на Манифест «К народу Франции» от 10 июля 1940 года, подписанный Морисом Торезом и Жаком Дюкло, она вместе со своей семьей решила присоединиться к движению Сопротивления против немецких оккупантов, возглавляемому коммунистами. В доме родителей ее мужа был организован местный

Сюзанна Гателье-Орибол
во время интервью

пункт сил Сопротивления. Здесь тайно хранились листовки и газеты. Сюзанна Гателье-Орибол рассказывала, как она тайно распространяла их, пряча под лифом и затем разбрасывая из поезда в местах переходов через железную дорогу. В доме семьи Орибол находили убежище арестанты, которым удавалось сбежать из лагерей, с 1943 года там же размещалась нелегальная передающая радиостанция. Сюзанна Гателье-Орибол рассказала, что немцы, видимо, определили местонахождение этого передатчика, так что в декабре 1943 года дом был взят штурмом гестапо, а родители ее мужа арестованы.

Вскоре и она сама вместе с Роже была схвачена на улице в Париже и брошена в тюрьму Фресне. Оттуда Сюзанна Гателье-Орибол была отправлена в долгий этап на поезде

в недостойных человека условиях, целью которого был лагерь в Саарбрюкене. Через неделю ее отправили в вагоне для перевозки скота дальше, в концлагерь Равенсбрюк, где она встретила со своей свекровью, погибшей впоследствии в лагерях. Саму Сюзанну отправили затем на принудительные работы в женский лагерь в Гольшове (Holýšov, сегодня – Чехия). Этот лагерь сначала входил в систему концлагеря Равенсбрюк, а с 1 сентября 1944 года стал филиалом концлагеря Флоссенбюрг.

Сюзанна была освобождена в Гольшове в начале мая 1945 года польскими партизанами. Сначала она пыталась работать в больнице, помогая другим жертвам преследований, многие из которых, тем не менее, умерли вскоре после освобождения из-за последствий заключения. Воспоминания о страшном состоянии освобожденных из лагеря женщин и сегодня свежи в ее памяти. Вернувшись в конце мая в Париж, она немедленно приступила к розыскам своего мужа Роже. Поначалу она встретила двух бывших депортированных, находившихся с ним в лагерях, а вскоре узнала о том, что Роже погиб в лагере Эрих-Юлиусхютте, филиале лагеря Дора-Миттельбау. Боль от утраты горячо любимого супруга сопровождала и терзала Сюзанну Гателье-Орибол всю дальнейшую жизнь. В 50-х годах она вторично вышла замуж, родила еще двоих детей, но вскоре развелась.

Сегодня Сюзанна Гателье-Орибол живет в предместье Парижа, в том самом доме, где арестовали родителей ее первого мужа. Улица, где стоит дом Орибол, носит теперь их имя, а одна из площадей названа в честь ее первого мужа Роже Орибола. У Сюзанны много внуков и правнуков, она и сейчас активный человек и по-прежнему очень интересуется политикой.

Сюзанна Гателье-Орибол
с мужем Роже и дочерью
Даниэль в начале 40-х годов

Во второй части интервью Сюзанна Гателье-Орибол сначала рассказала о непонимании, с которым встретились во Франции те, кто пережил депортацию: «Я думаю, о происходящих ужасах население просто не знало, так это выглядело. А мы вернулись как видевшие и перенесшие их и как-то мешали тому, чтобы все шло своим чередом. Мы же вернулись, и то, что было у нас в головах, нельзя было стереть, и это мешало».

Из этого понятно, насколько важной для переживших преследования была взаимная поддержка. Сюзанна Гателье-Орибол помогала поэтому другим женщинам, чьи мужья были расстреляны или не вернулись после депортации, при хождении по различным инстанциям.

Когда в октябре 1945 года была основана Французская национальная Федерация депортированных, интернированных, участников движения Сопротивления и патриотов («Fédération Nationale des Déportés et Internés, Résistants et

Patriotes», FNDIRP), Сюзанна немедленно вступила в нее. Такие организации поначалу оказывали практическую помощь людям, пережившим преследования, например, при визитах к врачу, а также материальную поддержку.

Поскольку ее муж Роже умер в Элрихе, Сюзанна Гателье-Орибол стала, помимо прочего, и членом «Amicale des Déportés à Dora-Ellrich, Harzungen et Kommandos Annexes». В таких организациях, фондах, кружках или союзах Сюзанна видит также и будущих хранителей памяти. Она представляет себе «эффект снежного кома» как метод, при помощи которого

можно вызвать интерес к теме у молодых людей. Передаче знаний способствуют также выставки и поездки. Она сама часто посещает школы, чтобы рассказывать молодым людям о пережитом опыте.

Уход поколения очевидцев она сама наблюдает с тревогой, поскольку с ним уйдет и импульс, побуждающий к памяти: «Да, они уйдут теперь скоро. Товарищи уже стали старше, я имею в виду депортированных... Если душой они еще вполне бодры, то крепко стоять на ногах уже не могут. Они больше не ездят».

Она с горечью отмечает, что многие местные ячейки кружков и организаций не могут поддерживать былую активность в связи с возрастом их членов.

«Ну, я не знаю, что можно сделать через 20 лет, чтобы продлить память... Но нужно что-то делать сейчас! Нужно думать о молодых! Ведь через 20 лет это будут взрослые люди.»

Сюзанна Гателье-Орибол рассказала также свои впечатления о посещении мемориальных комплексов бывших концлагерей Дора-Миттельбау, Элрих и Равенсбрюк. При этом она подчеркнула, насколько важно посещать эти места совместно с другими пережившими преследования или членами их семей. Официальные памятные мероприятия с большим количеством участников являются эмоциональной поддержкой, очень важной в момент встречи с прошлым. Сохранение мемориальных комплексов как мест, дающих возможность проявить уважение и почтение к жертвам, Сюзанна Гателье-Орибол считает важной составной частью будущей памяти. Она поддержала и планы по переформлению мемориала в Элрихе.

Она надеется на молодежь, на то, что молодые люди поддержат сохранение мира. Противодействие повторению случившегося – это, по ее словам, борьба, в которой важное место занимают сегодняшние молодые поколения. Она подчеркнула, что молодежь Германии не несет никакой ответственности за преступления предков. Оставленное предыдущими поколениями следует рассматривать как «тяжелое наследие», выпавшее на их долю.

Члены кружка «Молодежь за Дору» с переводчицей Барбарой Хан, Филиппой и членами семьи Орибол перед домом с памятной доской в честь семьи Орибол

Альберт ван Хой

« « « «

Женни Линде, Рубен Кольберг,
Оливер Марле, Аника Утлеб,
Мартин Неквазиль из кружка
«Молодежь за Дору» при визите
к Альберту ван Хой

Альберт ван Хой родился 27 января 1924 года в бельгийской провинции Восточная Фландрия третьим ребенком в семье с шестью детьми. Его отец работал на предприятии по обработке льна, а мать была хозяйкой магазина колониальных товаров. Дядя Альберта, директор школы, где он учился, уговаривал его родителей, что Альберту нужно получить образование учителя. Так что Альберт ван Хой закончил гимназию, а в 1939 поступил в высшую школу.

В 1943 году, вскоре после получения диплома учителя, он вступил в бельгийское движение Сопротивления в качестве разведчика. Летом 1944 года был арестован — немецкая полиция раскрыла его деятельность. Сначала его перевезли на экскурсионном автобусе из тюрьмы Нью-Ванделинг в Генте в Антверпен, в тюрьму на улице Бегинен. Днем позже его вместе с другими восьмистами мужчинами и несколькими сотнями женщин затолкнули в вагоны для перевозки скота и отправили через Эйндховен, Венло, Дюссельдорф и Веймар в лагерь Бухенвальд. Там ему пришлось работать поначалу в каменоломне.

Бельгия

23 августа его отправили вместе с другими примерно четырьмястами бельгийскими заключенными и сотней арестантов других национальностей в Бланкенбург на северном склоне Гарца, где происходило что-то вроде «невольничьего рынка», на котором немецкие фирмы подбирали себе рабочую силу. Альберт ван Хой был распределен фирме Райнгаузен, получившей заказ на строительство лагеря Бланкенбург. С этого дня ему пришлось выполнять наиболее тяжелые работы. Лагерь Бланкенбург-Озиг («Клостерверке») сначала был одним из филиалов Бухенвальда, а затем, в октябре 1944 года, перешел в подчинение концлагерю Миттельбау.

1 октября арестанты переселились из палаток в первые выстроенные бараки, не имевшие тогда еще ни дверей, ни окон. После тяжелого воспаления легких, сопровождавшегося лихорадкой, и пребывания в больничном отсеке Альберт ван Хой был переведен в другое подразделение, где оставался до 6 апреля. В этот день лагерь был эвакуирован в связи с приближением американских войск. Арестантов гнали пешим маршем до Эльбы, откуда на корабле доставили в Шлезвиг-Гольштейн. Под Любеком начался пеший марш смерти в направлении Аренсбёка до Зарау. 30 апреля туда приехал представитель шведского Красного Креста. Этой организации удалось добиться спасения хотя бы арестантов из Западной Европы. Их увезли в Швецию, был среди них и Альберт ван Хой. На грузовике его доставили в Травемюнде, где два парохода, «Магдалена» и «Лилли Маттиссен» взяли освобожденных на борт и 2 мая доставили в шведский город Треллеборг. Поскольку состояние здоровья Альберта ван Хоя было очень слабым, ему пришлось несколько недель провести в больнице. И лишь после этого, в начале августа 1945 года, он смог вернуться через Копенгаген в Брюссель, где был встречен своей семьей и членами церковной общины.

В марте 1946 года Альберт ван Хой снова начал работать учителем и оставался им до выхода на пенсию. Со своей женой, которая ждала его все время пребывания в лагере, он основал большую семью, которая сегодня состоит из пяти детей, семнадцати внуков и тринадцати правнуков.

Пребывание в лагере наложило глубокий отпечаток на жизнь Альберта ван Хоя.

Его многолетняя работа в организациях бывших узников высоко ценится бывшими заключенными и их семьями. Десятилетиями он активно участвует в работе этих объединений, чтобы сохранить историческую память. Так, Альберт ван Хой присутствовал при установке первого памятного камня в честь жертв лагеря Элрих-Юлиусхютте, в 1990 году ездил в Париж, когда был основан Европейский комитет бывших узников лагеря Дора-Миттельбау. Сегодня он является председателем международного комитета «Дора-Миттельбау», от имени которого подписал в Берлине «Завещание переживших» (Vermächtnis der Überlebenden) под заголовком «Сберечь память – сохранить мемориалы – взять на себя ответственность», переданное в январе 2009 года председателю Бундестага Норберту Ламмерту.

То, что Альберт ван Хой представляет общие интересы бывших узников, проявляется и в том, что в интервью он часто употребляет формы множественного числа – «мы», «мы, бывшие». Не раз его просили выступить на мероприятиях, посвященных памяти бывших узников. Такие мероприятия важны с одной стороны для того, чтобы почтить память ушедших друзей, а с другой – для молодых поколений, чтобы они могли учиться прошлому. В отношении будущей работы организаций жертв преследований он говорит: *«Я должен сказать – у нас много работают и дети бывших арестантов. Могут ли они достичь чего-то еще? Но это, конечно, не совсем то же самое, что можем сделать мы сами, последние свидетели. Но мы надеемся – в любой форме – что когда мы умрем, все будет в порядке. После этого: знак вопроса... Но с надеждой».*

Альберт ван Хой проявил большой интерес к визиту Барака Обамы в мемориальный комплекс Бухенвальд. Ему кажется необходимым, чтобы и в будущем известные личности и политики принимали участие в сохранении памяти о жертвах: *«Если говорю я один – это что-то дает, но если речь произносит личность, пользующаяся мировой известностью, это имеет очень большое значение. Поэтому прекрасно, что такие вещи происходят».*

Уже с первого визита в 1986 году Альберт ван Хой постоянно следит за работой мемориала «Дора-Миттельбау», позже он стал вице-президентом Попечительского совета. Он с удовольствием вспоминает открытие нового музея: *«И потом наконец – просто трудно поверить, трудно поверить – я говорил речь на открытии музея. Нет, это не сон, не сон – вот он, музей! А теперь – в 2008 году музей есть, так он будет и в 2058 году! И в 2108 он тоже останется! Это будущее, и это придает нам уверенность».* Работе мемориалов Альберт ван Хой придает большое значение. Важно также, что посетители могут получить компетентный рассказ о том, что видят, и особенно – о помещениях штолен. Это позволяет наиболее полно передать весь ужас и жестокость «Доры» и осуществляемого там «уничтожения работой».

Отношения между очевидцами и историками Альберт ван Хой воспринимает с одобрением: важно, чтобы свидетели продолжали свой рассказ даже тогда, когда их не будет, когда останутся только книги и музеи, чтобы история передавалась дальше. Он глубоко доверяет «настоящим исследователям» среди историков; успешная совместная работа политиков, ученых и очевидцев наполняет его надеждой. Для будущего памяти он считает важным, *«чтобы она оставалась, конечно. Не для меня – не только для наших жертв, но и для будущего других людей. Если опыт останется в памяти, они смогут учиться на нем».* Особенное внимание он уделяет сейчас «высшей ценности для нас» и соединяет это с собственным опытом: *«Только потеряв свободу, вы понимаете, что она в жизни значит».*

Альберт ван Хой произносит речь в честь 64-й годовщины освобождения узников концлагеря Дора-Миттельбау, 2009

Ежи Ясиньски

« « « «

Ежи Ясиньски родился в Варшаве в 1924 году, в военной семье. Детство для него и его сестры носило армейский оттенок. Ему, сыну профессионального офицера, полагалось учиться в кадетской школе.

Поскольку в то время, по его словам, среди польской молодежи считалось в высшей степени почетным принадлежать к подпольным военным организациям, то и Ежи присоединился к одной из таких групп. При очередной облаве на улицах Варшавы у одного из его друзей обнаружили материалы для подпольной прессы. Друга арестовали, и при допросе в гестапо он назвал имена Ежи и других участников группы. Некоторых из них удалось предупредить, и они остались на свободе. Но Ежи Ясиньски 2 апреля 1943 года был арестован на своем рабочем месте и заключен в тюрьму Павиак, где подвергся жестоким допросам. Несмотря на побои и измывательства, он и его товарищи сохранили стойкость и выдержку. Они говорили, что их связывает друг с другом исключительно учеба в школе, ни к какой организации они не принадлежат, так что доказать их причастность оказалось невозможным. Тем не менее шесть недель спустя их всех собрали во дворе тюрьмы и отправили в Освенцим. В интервью он рассказывает: *«Около 23 часов мы приехали ко входу в Освенцим, где нас уже ожидали эсэсовцы и надсмотрщики из числа заключенных, которые погнали нас босиком за три километра в Аушвиц-Биркенау. Наш этап состоял примерно из 400 мужчин и 200 женщин. Всю ночь нам выжигали татуировки, стригли волосы, дезинфицировали и загоняли под холодный душ. «Ванная» продолжалась три минуты. На утренней поверке мы уже были только «номера»».*

Позже он попал в Аушвиц-Моновиц, где работал на сооружениях Бунаверке в подразделении укладки труб. В августе 1944 был доставлен вместе с 1500 другими поляками в концлагерь Бухенвальд, а вскоре после – в концлагерь Дора-Миттельбау. Оттуда в начале апреля 1945 года отправлен маршем смерти в направлении Берген-Бельзена, где был освобожден 15 апреля 1945 года английскими солдатами.

Ежи Ясиньски, 2009

Благодаря поддержке других арестантов он сумел выжить, несмотря на многочисленные болезни, каторжный труд и нечеловеческие лагерные условия.

После окончания войны Ежи поначалу оставался в Германии и вступил в американскую армию. Опасаясь репрессий со стороны коммунистов, он вернулся в Варшаву только в 1948 году. Поначалу служил в государственных органах здравоохранения, а с 1974 года стал директором предприятия, выпускающего средства дезинфекции. В 1982 году по политическим причинам и по состоянию здоровья ушел на пенсию и развернул более активную деятельность в различных общественных организациях. Оглядываясь назад, он рассказывает: *«Время, проведенное в тюрьме и лагере, было очень трагичным и до сих пор остается в моей памяти. Я постоянно возвращаюсь к вопросу: испытываю ли я ненависть к моим мучителям? Может быть, кого-то поразит мой ответ. Я скажу коротко: нет. Во мне нет никакой ненависти, но мое мнение, что ответственные за это должны быть наказаны. Я часто роптал на свою судьбу, что на мою долю выпали такие ужасы. Но вместе с тем я благодарю Бога, что он берег меня, что он позволил мне пережить этот ад на земле».*

Для Ежи Ясиньски, военного, имеющего сегодня ранг майора, было очень важно рассказать нам, что произошло после войны со многими офицерами и солдатами Армии Крайовой (Отечественной армии), принимавшими участие в Варшавском восстании. Неисчислимые участники этой подпольной армии подверглись преследованиям, были брошены в тюрьмы, депортированы либо убиты: *«Советы хотели подавить польскую интеллигенцию, чтобы ослабить ее. Они намеревались в том же году разделить Польшу. Тех, кто сопротивлялся, отправляли в Сибирь. Таких было десятки тысяч»*. За его отцом также следили, ему приходилось дважды в неделю отмечаться в полиции до тех пор, пока в 50-х годах обстановка не разрешилась. На вопрос о том, обсуждал ли он в своей семье после возвращения в

Давид Ройковски, Кармен Хаузе и
Йоханна Шойер
в гостях у Ежи Ясиньски и его жены

Польшу события в тюрьмах и лагерях, он дал отрицательный ответ и объяснил, что ему хотелось только одного – забыть это время, слишком сильную боль причиняло пережитое. Однако воспоминания остались: *«Я вновь переживал все это в своих снах – что меня выслеживают, избивают, что в меня стреляют. То и дело я просыпался в ужасе, обливаясь холодным потом»*. Несколько лет назад он прервал свое молчание. Его дети постоянно просили записать пережитое в форме дневника и настояли на совместном посещении мемориального комплекса Освенцим, чтобы увидеть воочию одно из тех мест, где их отец перенес когда-то столько страданий. По словам Ежи, такого дня, когда бы эти события вспоминали как-то особенно, в семье не существует. Поскольку они жили все вместе в очень тесном помещении, видели друг друга каждый день, не было никакой причины уделять этим воспоминаниям особое место.

Хотя он десятилетиями почти не говорил о пережитом, но после возвращения стал членом организаций бывших узни-

ков, таких, как «Союз борцов за свободу и демократию», поддерживавший бывших заключенных. Сегодня он состоит в Объединениях бывших узников концлагерей Бухенвальд, Дора, Освенцим, является членом Объединения инвалидов войны и Объединения бывших кадетов Польской Республики (1918-1939 гг.). Сегодняшнее общественное и финансовое положение бывших узников он оценивает скорее положительно, хотя всегда найдется что-то, что можно было бы улучшить. В Германии, как он считает, также много делается для сохранения памяти о преступлениях.

«Нация, которая не думает о своей истории, нежизнеспособна, это нация, не имеющая будущего. Так что о событиях прошлого надо будет думать и тогда, когда уже не останется очевидцев.»

Около 50 раз он уже рассказывал о своей судьбе молодым людям из Германии. Он говорит: *«Я придерживаюсь мнения, что немцев, которые участвовали в преступлениях, надо было наказать за них. Но нельзя возлагать ответственность на молодых людей. Я как представитель всех поляков высказываюсь против коллективной ответственности немцев. Однако тех, кто виновен, следовало привлечь к ответственности. Я ничего не имею против молодых немцев, поэтому я бываю в Германии и встречаюсь там с ними»*.

В будущем он представляет себе формы памяти, подобные торжественным чествованиям, например, «Битвы при Грюнвальде» 1410 года, когда ежегодно собираются тысячи людей, чтобы разыграть происходившие события. Можно было бы, к примеру, отстроить заново бараки для заключенных, чтобы сделать более наглядными условия жизни в лагерях. В общем, ему бы хотелось, чтобы сохранились те даты, которые отмечаются сегодня, чтобы традиции продолжали дети и внуки. И пусть те люди, у которых была возможность общения и бесед с самими бывшими узниками, передают их историю следующим поколениям.

Ноах Клигер

« « « « «

Ноах Клигер на памятном мероприятии, посвященном 62-летней годовщине освобождения концлагеря Дора-Миттельбау, 2007

Ноах Клигер родился 13 июля 1926 года в Страсбурге, во Франции. В 1935 году предусмотрительный отец отправил его брата, старше Ноаха на четыре года, в Англию, чтобы избежать насилия в национал-социалистической Германии. Ноах должен был в 1938 году последовать за ним, однако Англия в это время уже не принимала еврейских беженцев, так что семья решила переселиться в Брюссель, в нейтральную Бельгию. Отец Клигера уже в 1935 году был «убежден, что Гитлер пришел к власти не для того, чтобы удовольствоваться одной Германией, и пытался каким-либо образом спасти свою семью». Когда Германия оккупировала Францию и страны Бенилюкса, Ноах Клигер присоединился к движению Сопротивления. Он был членом подпольной еврейской организации, переправившей в сотрудничестве с французскими силами Сопротивления триста еврейских детей из Бельгии через Францию в нейтральную Швейцарию. Несмотря на наличие фальшивых документов, Ноах Клигер был арестован гестапо на встрече группы в 1942 году на француско-бельгийской границе.

После трехмесячного пребывания в лагере Малинес Ноах Клигер вместе с 600 другими евреями 18 января 1943 года был отправлен в Аушвиц-Биркенау. Когда комендант лагеря Аушвиц III набирал нескольких боксеров для развлечения охраны, Клигер выдвинул свою кандидатуру. Сегодня он считает, что это на семь-восемь месяцев спасло ему жизнь, так как «евреев не для того привозили в Освенцим, чтобы они остались в живых; евреев привозили туда, чтобы уничтожить».

С наступлением Красной Армии и роспуском лагеря Освенцим в феврале 1945 года он вместе с 57 тысячами других заключенных – из которых живыми дошли до места лишь 20 тысяч – был отправлен маршем смерти в сторону

Германии. Ноах Клигер прибыл в концлагерь Дора-Миттельбау и сумел успешно выдать себя за французского политического заключенного. Благодаря хорошим знаниям немецкого языка был назначен старшим рабочим подземных сооружений в инженерное подразделение. 3 апреля 1945 года пережил бомбежку города Нордхаузена: «Мы вышли из штолен: одно из самых прекрасных зрелищ, которые мы когда-либо видели. Нордхаузен полыхал! Мы все ликовали». Через день лагерь был распушен, и пленников погнали десятидневным маршем смерти через Гарц в концлагерь Равенсбрюк. Там Ноаха Клигера 29 апреля 1945 года освободила Советская армия. После освобождения он разыскал в Брюсселе своих родителей и выяснил, что они также пережили шоа. Ноах Клигер вступил в подпольное сионистское движение, пытавшееся нелегально переправлять евреев из депортационных лагерей в Палестину. В мае 1947 года он стал

«Это чудовищно, сколь внезапно многие немцы <ничего не знали>. При этом почти каждый немец знал, что творилось. Они должны были знать!»

одним из 4,5 тысяч переживших шоа евреев, стремившихся перебраться из Франции в Палестину на пароходе, названном пассажирами по второй книге Моисея «Исход 1947». Британцы, владевшие тогда мандатом на управление Палестиной, отказали пассажирам во въезде в Палестину, интернировали в лагерях на Кипре, пока в конце концов не отправили как пленников на пароходах обратно во Францию и далее в Гамбург. После нескольких недель заключения в Гамбурге Ноах был освобожден и вместе с другими бывшими заключенными направился наконец в Палестину, где в 1948 году принял участие в войне за независимость новопровозглашенного израильского государства.

Затем Ноах Клигер в качестве спортивного корреспондента начал карьеру журналиста. Уже более 60 лет он работает для самой многотиражной израильской ежедневной газеты Йедиот Ахронот (Yedioth Ahronoth).

С момента освобождения Ноах Клигер постоянно рассказывает о пережитом во время национал-социализма и своем опыте бывшего узника различных концлагерей. Возможность писать и говорить об этом – его привилегия. Так, он подчеркивает, что все *«рассказывал от души, писал от души»*.

Профессия журналиста сделала для него возможным участие в процессах, связанных с военными преступлениями национал-социалистов. В частности, он писал о процессе Эйхмана

в Иерусалиме, Франкфуртском процессе по Освенциму, Дюссельдорфском процессе над персоналом Майданека и, совсем недавно, о еще идущем процессе предполагаемого военного преступника Ивана Демьянюка. К процессу проработки истории в юридическом смысле он относится резко критически, прежде всего – в Германии. Он считает, что процессы практически никакого действия не имели: *«Приговоры были несправед-*

ливы, они были просто наглостью».

Столь же скептически он относится к дискурсу о памяти в Германии и эволюционирующей культуре памяти. По его мнению, хотя в будущем и сохранятся дни памяти, однако каждодневные воспоминания о шоа тем не менее уйдут со следующим поколением, и через 50 лет не останется ничего, кроме исторического события, лишённого личностных ассоциаций. Исклчительно евреи, говорит Клигер, сохраняют память о шоа в следующих поколениях. Все другие забудут об этом гораздо быстрее: *«Много лет назад меня неоднократно спрашивали: ты думаешь, мы в Германии делаем достаточно, чтобы сохранить память о шоа? Я тогда отвечал: я не знаю, что делаете вы, мы в Израиле делаем недостаточно. А вы делаете, безусловно, меньше»*.

Последствием шоа Клигер считает образование государ-

Ноах Клигер на 62-й годовщине освобождения концлагеря Дора-Миттельбау

ства Израиль. О себе он говорит, что *«стал сионистом в Освенциме»*. Опыт одиночества, пережитый во время уничтожения европейских евреев национал-социалистической Германией и ее приспешниками из других государств, до сих пор очень важен в его жизни: *«Единственное решение для еврейского народа – независимое государство со всеми правами и обязанностями, своим голосом в концерте народов. Государство, куда ты можешь бежать, если грозит опасность. Государство, которое будет тебя защищать, в том числе с помощью армии»*.

На вопрос о личных воспоминаниях Ноах Клигер отвечает, что не было такого дня, когда бы он не вспоминал о шоа. Поэтому особый день памяти ему не нужен. Он не состоит в объединениях переживших преследования, но помогает всегда, когда нужно. О своей жизни, своем опыте Ноах Клигер рассказывал в многочисленных беседах очевидцев со школьниками, студентами и всеми, кому это интересно. Он уже опубликовал на иврите книгу о том, как пережил Холокост.

Йонас Кюне, Рубен Кольберг и Себастьян Шёнеман из кружка «Молодежь за Дору» берут интервью у Ноаха Клигера у него дома в Тель-Авиве

Владимир Степанович Кошан

« « « «

Владимир Степанович Кошан родился в 1925 году на севере современной Украины и вырос там же, в большой семье с восемью детьми. После школы хотел получить техническое образование и поступил в техникум. Когда началась война, студентов выпустили из техникума, выдав им временные сертификаты, и направили в различные места для исполнения военной службы.

23 марта 1943 года населенный пункт, где жил Владимир, был эвакуирован, а жители депортированы в Германию.

Недалеко от Веймара произошло распределение в семьи на принудительные работы. Благодаря тому, что он отважился вступить за больного, занятого на принудительных работах, Владимир завоевал доверие жителей деревни и получил их тайную поддержку, когда помогал жене и детям одного коммуниста, брошенного в концлагерь. Когда ему стала грозить опасность ареста, он решился на побег.

Недалеко от Йены он был схвачен и приговорен к 56 дням штрафных лагерей. После этого Владимир попал в штрафной лагерь Торгау, а оттуда — в тюрьму, условия которой были не менее тяжелыми, так что Владимир видел надежду на спасение жизни только в побеге. И ему действительно удалось бежать, вместе с одним польским лейтенантом. В общей сложности 30 дней они шли, пока не были случайно обнаружены группой Гитлерюгенда и вновь арестованы. В наказание Владимир был приговорен к 51 дню в одиночке и затем к смерти. Однако благодаря бюрократическим недоразумениям казнь не состоялась, и вместо этого 11.11.1943 Владимир Кошан был отправлен в Бухенвальд.

В Бухенвальде на его одежду нашли красный треугольник — знак политического заключенного, и поместили сначала в карантинный отсек. Затем он был отправлен в подразделение, занятое укладкой рельсов. В Бухенвальде было хорошо

Владимир Степанович Кошан
в военной форме (ок. 1946)

Владимир Степанович Кошан
и его жена Катя

организованное подпольное движение, и Владимир стал в нем участвовать, осуществляя контрабандную доставку со стройки в лагерь взрывчатых веществ.

Кроме того, спастись от мучительства и тяжелой работы пытались с помощью сфальсифицированных справок об освобождении. Руководство лагеря это обнаружило и подвергло штрафу всех, у кого на руках были медицинские справки. Владимир около двух недель дожидался наказания — его должны были отправить в концлагерь Дора-Миттельбау. 10.01.1944 он был туда доставлен. Первое время он работал и жил только в штольнях, затем получил назначение в подразделение «строительство пути 77» и был размещен в блоке 31.

После эвакуации лагеря Владимир вместе с другими заключенными был вывезен из лагеря в товарных вагонах и наконец освобожден канадскими войсками. После освобождения хотел отправиться на войну и поступил в армию, где выполнял функции писаря. Вернувшись на Украину, работал учителем физики. Сегодня проживает вместе с женой и двумя детьми в сельской местности под Киевом.

После окончания войны у Владимира Степановича было немало возможностей уехать в Канаду, Австралию или в другие страны, но он считал, что должен вернуться, как он говорит, «к нашим». Уже в мае 1945 года, вскоре после освобождения, он поступил в Резервный батальон Красной армии. При патрулировании улиц Берлина он участвовал в своем первом и последнем вооруженном столкновении с последними немецкими группировками. Он не знает, ранил ли тогда кого-нибудь или убил, но говорит: «На том война для меня и закончилась».

На вопрос о том, рассказывал ли он о времени, проведенном в Германии, Владимир Степанович отвечает без промедления: «Конечно, рассказывал. Своей семье я постоянно об этом рассказывал». Он сказал нам также, что его дочь Оля даже брала у него интервью, чтобы написать школьное сочинение.

Складывается впечатление, что Владимир считает совершенно естественным рассказывать историю своего заключения. Он говорит: «Я повсюду был: в школах, техникумах и училищах — везде. В музее тоже, два раза. А сейчас директор музея встречает меня и говорит: «Мы организовали вам встречу». Еще не знаю, когда».

Вместе с другими бывшими узниками он вступил в объединения «Киевский антифашистский комитет» и «Национальный комитет», встречи которых посещал ранее раз в неделю. Сегодня обе организации насчитывают уже совсем немного членов, так что к настоящему времени они объединились. На наш вопрос, считает ли он возможным подключить к работе организации своих детей и других молодых людей, он ничего не говорит. Возникает впечатление, что история Владимира — это скорее личное дело семьи, но исчезнет из памяти вместе с ним самим. Для Владимира Степановича будущее состоит в демократизации его страны и борьбе с фашизмом. «Чем больше молодых людей будут осуждать фашизм, тем легче будет бороться с ним. Необходимо делать все возможное, и я желаю вам, чтобы он исчез навеки, и сама идеология фашизма тоже», — говорит он.

Его воспоминания живут не только в рассказах. Они преследовали его во сне, даже через много лет после возвращения на Украину. «Я не знаю, помнит ли об этом моя Катя

или нет: когда мы уже были женаты, целых четыре года мне постоянно снилась казнь, снилось, как меня вешают. И все время вот тут, рядом со мной появляется рука, так что не получается меня повесить. Дует свежий ветер, я крепко держусь руками за ветку. Просто так они меня не повесят. И это все время повторялось ночами. Случалось, она садилась рядом и говорила: «Когда же это наконец кончится?»» На будущее он желает, «чтобы был снят хотя бы один маленький фильм о штрафных лагерях». По его мнению, хотя есть много музеев и фильмов о концентрационных лагерях, но ни одного — о штрафных. Владимир Степанович твердо убежден в том, что ничего подобного не могло бы повториться, если бы люди увидели хотя бы один фильм, показывающий историю и повседневность штрафного лагеря: «Это моя мечта, и на открытии моего мемориала я говорил бы речь и сказал бы тогда: «Клянусь, что буду до последнего вздоха бороться против национализма!»».

Молодежь за Дору» при посещении семьи Кошан на Украине

Борис Пахор

« « « «

Борис Пахор родился 26 августа 1913 года в Триесте в словенской семье. Триест был и остается для него местом жизни и привязанностей. После Первой мировой войны с присоединением Триеста к Италии космополитический характер города изменился: словенское меньшинство еще до официального прихода к власти итальянских фашистов почувствовало на себе антиславянскую политику, которая достигла своего пика в поджоге и разрушении словенского «Народного дома» в Триесте. Борис Пахор ребенком стал свидетелем этого акта насилия, душевные травмы от кото-

Борис Пахор, 2009
(фото: Эгон Вьекослав Словинич)

рого мучили его всю жизнь, заставляя постоянно переосмысливать свою словенскую идентичность.

После окончания школы Пахор два года изучал теологию на семинаре для священников в Гориции. Поскольку его диплом об окончании школы не признавали, ему пришлось несколько лет добиваться разрешения учиться в итальянском университете. Во время учебы Борис Пахор усиленно занимался словенским языком и, преодолев большие сложности, опубликовал в Югославии первые тексты. В это же время он установил контакты с различными представите-

лями словенской интеллигенции, а также членами словенской антифашистской организации TIGR¹.

В 1940 году Борис Пахор был призван в итальянскую армию и отправлен в Ливию. Затем работал в Ломбардии на армейской службе, осуществляя переводы для пленных югославских офицеров, и одновременно изучал итальянскую литературу в Падуе. После свержения фашистов и перемирия с Италией он вернулся в Триест, занятый к тому времени вермахтом, где присоединился к «Освободительному фронту словенского народа».

21 января 1944 года словенские коллаборационисты арестовали Бориса Пахора и передали гестапо, поместившее его затем в концлагерь Рисьера-ди-сан-Сабба в Триесте. Через месяц Пахор был депортирован через концлагерь Дахау в концлагерь Нацивейлер-Штрутгоф в Эльзасе. С этого началось его странствование по немецким концлагерям, приведшее его вновь в Дахау, оттуда – в лагерь Дора-Миттельбау в Южном Гарце, Харцунген и наконец Берген-Бельзен, где 15 апреля 1945 он был освобожден британской армией.

После освобождения Пахор провел год в санатории близ Парижа, чтобы излечиться от туберкулеза. Париж стал для него в это время второй Родиной, куда он часто возвращался впоследствии. Вернувшись в Италию, он работал сначала в Триесте как свободный писатель, в 1947 году защитил в университете Падуи диссертацию, посвященную значительному словенскому писателю и публицисту Эдварду Коцбеку. С 1953 до 1975 года Пахор работал учителем литературы в одной из словенских гимназий Триеста. В последующие десятилетия занимался активной литературной деятельностью, и уже в самом процессе писания начал открывать для себя свою словенскую идентичность. Основал газету «Zaliv» («Залив»), ставшую платформой для интеллигенции, все активнее оппонировавшей югославским коммунистам.

Страдания, пережитые во время Второй мировой войны, опыт плена в немецких концлагерях нашли выход в многочисленных рассказах, которые составили вышедшую в 1967 году и удостоенную премии книгу «Некрополь». Сегодня Борис Пахор считается одним из наиболее известных на международной сцене представителей современной словенской критической литературы и одним из наиболее ярких литераторов – очевидцев истории 20 века.

¹ Аббревиатура составлена из названий городов – Trst (Триест), Istra (Истрия), Gorica (Гориция), Rijeka (Риека). Прим. перев.

Борис Пахор – один из очевидцев, которым удалось выразить пережитый опыт с помощью слов и записей и привлечь тем самым внимание широкой общественности. Неудивительно, что в его представлениях о будущем памяти жертв национал-социализма значительную роль играют средства массовой информации и политика. Воспоминания о зверствах национал-социалистов и фашистов, по его мнению, должны поддерживаться прежде всего политическим путем. И если в отношении Германии он подчеркивает, что правительство страны серьезно интересуется событиями прошлого, направляет своих депутатов на памятные торжества, а мемориальные комплексы бывших концлагерей успешно функционируют, то ситуация в Италии вызывает у него критику: *«К сожалению, правые политики пытаются минимизировать события, преуменьшают значение фашизма для Италии»*. Кроме того, он считает, что в воспоминаниях недостаточно представлены лагеря для политзаключенных. Пахор придает большое значение тому, чтобы его слова не истолковали как антисемитизм, если он возражает против точки зрения, согласно которой концентрационные лагеря для политических заключенных включаются в понятие Холокоста. Он проводит четкое разграничение: *«При Холокосте уничтожались все, от детей до стариков, все еврейское население, это факт. Но здесь, в концлагерях для политических заключенных, люди умирали не потому, что их ненавидели, а потому, что им приходилось работать, пока они хоть как-то держались на ногах, работать на Германию. (...) Желания уничтожения не было, это не лагеря уничтожения»*.

Борис Пахор активно содействует тому, чтобы произошедшее достигло широкой общественности и сознания людей. Он пишет статьи для прессы, чтобы привлечь внимание к теме, так как, по мнению Пахора, *«европейская пресса должна говорить об этом, это самое главное»*. Обсуждение темы в прессе – здесь он видит возможность сохранения памяти: *«Таким образом Дора не умрет. Тогда она не будет предана забвению»*.

Пахор критическим взглядом наблюдает за деятельностью мемориальных комплексов. Разумной и успешной он считает концепцию Европейского центра памяти Сопротивления и депортации в Нацвейлер-Штрутгоф (Centre Européen

Борис Пахор

du Résistant Déporté du Natzweiler – Struthof), который, являясь своеобразным культурным центром, дает возможность получать информацию через компьютер или в библиотеке в непосредственной близости от бывшего лагеря.

Столь же критично относится он к тому, как сегодня проводятся дни памяти: *«Может быть, стоило бы устроить встречу, которая была бы менее торжественна, но зато более поучительна, то есть богаче чем-то, что может научить. Конечно, да, памятное мероприятие, там присутствуют люди, которых чествуют, кладутся цветы, но потом все это проходит»*. В качестве встречной инициативы Пахор предлагает, чтобы в торжествах участвовали школьные классы. Но оговаривает: *«Но они должны быть подготовлены к этому! Иначе это просто туристы, посещающие памятные места»*. В общем, он считает необходимым *«привести историю в школы, в учебники истории, с их помощью нужно просвещать молодых людей об истинной истории»*. Особенно тем, кто живет далеко от мемориальных комплексов, напоминающих о существовании лагерей, книги, по его мнению, дают хорошую возможность получить информацию о национал-социализме и фашизме. В этом он видит смысл и своей собственной книги: *«Многие учителя покупали «Некрополь», чтобы использовать на уроках. Они покупали его, покупали мои рассказы, в которых я рассказывал о нацизме именно для того, чтобы разъяснить, как фашизм обращался с людьми. Это основа всего, я с самого начала это говорил. Я могу только повторить это: место истории – в школе!»*

слева направо: Симонета Виттагляно, Йонас Аранд, Франческа Шьортино и Оливер Марле из кружка «Молодежь за Дору» у Бориса Пахора в Триесте

Павел Александрович Петченко

« « « «

Павел Александрович Петченко родился в 1923 году в Балаклее Харьковской области. После окончания школы в 1938 году продолжил учебу в политехникуме в Харькове, диплом которого получил в июне 1941 года. Начало войны прервало его учебу. Уже через два дня он и другие мужчины были направлены в Луганскую область для проведения прифронтовых строительных работ и доставки раненых с линии фронта в тыл. В начале лета 1942 года они попали в засаду, были арестованы и депортированы в Германию. В лагере Халлендорф под Зальцгиттером он был распределен на строительство концерна «Герман-Геринг-Верке» для фирмы Круппа. Несмотря на строгую охрану заключенных, Павел Александрович в июне 1943 года совершил попытку бегства, правда, неудачную. После этого ему пришлось выполнять еще более тяжелые принудительные работы на горных разработках в Хамме. Когда раскрылось, что он помогал другим заключенным при попытках к бегству, его арестовало гестапо. После двух месяцев в тюрьме города Хамма он в ноябре вместе с 8 или 10 другими арестантами на поезде для гражданского пассажирского сообщения был отправлен в концлагерь Бухенвальд. Через несколько недель, проведенных в карантинном блоке, совершенно неожиданно, вечером, был отправлен в составе строго охраняемого этапа из примерно 2000 человек в Нордхаузен, в штольни лагеря Дора-Миттельбау. Множество людей разных национальностей, множество смертей и бесконечная работа по монтажу ракет под землей – вот что осталось у него в памяти от этих первых недель. В лице французского товарища из Лиона он нашел друга, у которого смог выучиться техническим навыкам. Несколько позже Павел Александрович вступил в контакт с одной подпольной группой, деятельность которой поддерживал небольшими транспортными услугами, поставляя детали для сборки радиоприемников. После того как лагерь был освобожден, Павла Александровича весной 1945 года неделю без ясной цели и ориентиров

гоняли по Германии пешими этапами и на так называемых эвакуационных поездах, пока его вместе с другими арестантами не подобрал и не принял Красный Крест в концлагере Равенсбрюк. Несмотря на это, ослабевшим арестантам пришлось в конце апреля вновь отправиться пешим маршем дальше. Вместе с товарищем он, при пересечении одной деревни, использовал шанс к бегству. Они нашли солдат Красной армии, доставивших их в госпиталь. Спустя всего один месяц отдыха он снова пошел солдатом в армию, где ему вскоре представился шанс работать чертежником в комендатуре в Щецине. Через год, в 1947 году, из Риги, где он познакомился со своей будущей женой, Павел Александрович переехал в Советск (Тильзит) Калининградской области (Кёнигсберг). Там после окончания военной службы он до 1967 года работал в электрофирме. Параллельно с работой заочно окончил университет в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и стал главным инженером по энергоснабжению в Советске. В 1982 году по состоянию здоровья вместе с семьей переехал в Одессу, где работал до выхода на пенсию в 1988 году на железной дороге. Павел Александрович и его жена имеют сына и дочь и гордятся двумя внуками и правнуком.

Павел Александрович
Петченко, 2009

В течение многих лет Павел Александрович активно участвует в сохранении памяти о преступлениях в концлагерях, особенно с тех пор, когда 14 лет назад в Одессе было создано объединение бывших узников. Сначала в него входили 200 членов, сегодня их осталось всего 45. Раньше они устраивали ежемесячные собрания, обменивались воспоминаниями, поддерживали друг друга и сообща обращались за помощью к местным властям. На последней встрече, после которой прошло уже больше года, присутствовало лишь около 20 человек. С тех пор единственный контакт, который позволяет их возраст — это телефонные звонки. Оставшиеся в живых узники думали о том, что, может быть, их дети могли бы продолжать работу организации, но до сих пор конкретных предложений не было.

Помимо этого, Павел Александрович пытается использовать свои воспоминания для просвещения, так, он написал по-украински небольшую рукопись о концлагере Дора. К рукописи он приложил документы и материалы о лагере, которые, по его мнению, нужно подготовить к публикации. О том, как можно передать воспоминания молодым людям, Павел Александрович высказывает конкретные предложения: *«Я думаю, что, конечно, в первую очередь нужно не забывать. Да, это история, но поминать ее следовало бы именно и только как историю, а не строить на ней в дальнейшем взаимные отношения, с недоверием или чем-то подобным. Я думаю, что отношения должны быть только и единственно дружественные, несмотря на то, что произошло когда-то. Несмотря на то, что пережил, к примеру, я, что пережили многие. У нас вряд ли найдется кто-то, кто чувствует неприязнь по отношению к немцам. Такого нет. Я бы очень хотел пожелать и немецкому молодому поколению, и нашему, чтобы отношения между ними были надежнее, укреплялись бы. Война — это не дружба, вражда, война — это ужасная вещь, и кто ее пережил, никогда не будет это поддерживать».*

В почти каждой его фразе, в той осторожности, с какой он выбирает слова и формулировки, чувствуется, что он беспокоится о том, как бы не обидеть нас, молодых людей, своими воспоминаниями, и насколько велико его желание,

чтобы грядущие поколения поняли друг друга. За прошедшие десять лет он два раза был в Германии, где участвовал в торжественных мероприятиях, посвященных освобождению концлагерей Бухенвальд и Дора-Миттельбау. Но теперь по состоянию здоровья это стало невозможным. От поездок у Павла Александровича осталось позитивное впечатление об отношении к истории: *«Я также должен сказать, что мемориалы в Германии, обелиски в честь советских воинов, я их видел в Веймаре и еще одном городе, находятся в очень хорошем состоянии, за ними прекрасно ухаживают. В последнее время на Украине проявляется такое же отношение и к нашим, и к немецким мемориалам».*

Переводчица Татьяна Хорват, Женни Линде и Аня Шиллинг из кружка «Молодые люди за Дору» у Павла Александровича Петченко и его жены в Одессе

Владимир Максимович Садко

« « « « «

Владимир Максимович Садко родился 29 июля 1929 года в крестьянской семье. Из-за плохого урожая его семья переехала в Запорожье. К моменту начала войны он закончил семь классов школы. Тогда, ребенком, он еще мало понимал, что означало начало войны, но вскоре вступил в подпольную организацию. В то время он собирал оружие, вещи и документацию, остававшиеся на полях сражений. Затем отец

Владимир Максимович Садко, 2009

запретил ему участвовать в сопротивлении и в конце концов вынудил его сделать добровольное признание, поскольку семья думала, что таким образом наказание будет менее жестоким. 11 мая 1943 года он был отправлен на товарном поезде из Запорожья прямо в Германию, в каждом вагоне размещалось по 35–40 человек. На одной из остановок,

где поезд стоял довольно долгое время, они с товарищем бежали. Вскоре их поймали и вновь посадили на поезд, шедший в Эссен. Когда Эссен бомбили американцы, ему вновь представилась возможность побега. Его снова поймали и отправили в тюрьму города Херне. Оттуда гестапо переправило его в Дюссельдорф и наконец в концлагерь Бухенвальд. Там он сначала был выдержан в карантине, а через несколько недель попал в филиал Ордруф, где арестанты были заняты на расширении системы штолен. Его работа состояла в том, чтобы сверлить отверстия в стене под землей и после взрывов перетаскивать наверх камни. Все люди, которые в тот период жизни стали его друзьями, погибли – в лагере или в маршах смерти. Более других ему в память врезался марш из Ордруфа в Бухенвальд. Владимир Максимович рассказывает, что их разделили на колонны по сто человек и каждого, по кому было видно, что он не в состоянии идти дальше, расстреливали. С января до апреля 1945 их перевозили поездами из одного лагеря в другой. Между этими переходами они провели две недели в Дахау. Там ему пришлось помогать грузить трупы и перевозить их в концлагерь Флоссенбюрг, где их должны были сжигать. Он тяжело заболел и попал в помещение, где были сложены друг на друге мертвые и умирающие. Когда он услышал в окно выстрелы союзников, это придало ему надежду, поддержало и помогло выстоять. На следующий день пришли люди, говорящие на английском языке, дали ему лекарства и еду. Было это 23 апреля 1945 года, в день освобождения Флоссенбюрга. Через несколько недель американские войска доставили арестантов в Лейпциг, откуда они ехали открытыми вагонами в Польшу. Там состоялась сначала «филтрация» бывших заключенных, при которой их опрашивали, задавая вопросы о датах, коллаборационистах и политических воззрениях. Владимир Максимович провел полгода в контрольном лагере Советской армии. После этого еще на пять лет был послан работать на Кавказ. После еще одной отработки для нужд армии в Сибири, он вернулся в 1950 году в Запорожье, где работал на предприятии, занимавшемся переработкой шлаков. Был два раза женат, имеет сына от второго брака. Сегодня Владимир Максимович проживает один в собственном доме, имеет участок земли, на котором выращивает фрукты и овощи.

Владимир Максимович много размышляет об отношении к истории в его семье. Он рассказывает, что всегда очень тепло относился к родителям, но были и такие времена, когда он злился на своего отца из-за того, что тот вынудил его сдать немцам. И тем не менее он думает, что в то время это решение было правильным, поскольку многих из группы сопротивления, кто не сделал добровольных признаний, затем убили, и ему грозила та же участь. Позже он пытался говорить со своим сыном о депортации и аресте. Но тот, по мнению Владимира Максимовича, в любом случае не смог бы воспринять эти рассказы: *«Человек психологически не способен понять, что там происходило. Это невозможно. Нужно самому оказаться там и видеть события так, как они происходили тогда. Это тяжело».*

Владимир Максимович по своему желанию приходил в школы, чтобы рассказать школьникам об истории Второй мировой войны. Он заметил, что девочки больше заинтересованы, чем мальчики, но в общем всем молодым людям трудно воспринять происходящее в то время. Кроме того, сегодня, когда существует так много разных религиозных, политических и социальных группировок, не так просто объединить молодежь друг с другом. Каждый человек формируется в своей группе и оказывается тяжело найти общий язык или точки соприкосновения с другими группами. Владимир Максимович говорит: *«Единого общества больше нет. Это просто факт. И тяжело удержать вместе общество с такими разными воззрениями, религиями и моральными ценностями».*

Ничего особенного дать молодежи он, пожалуй, не может, никаких рекомендаций, как можно предотвратить повторение истории.

У него никогда не возникало желания вернуться в места принудительного труда. Поэтому он с трудом решился принять приглашение на 60-летний юбилей освобождения концлагеря Бухенвальд. Он долго думал и размышлял, говорит он нам, показывая фотографии с торжества. Ему очень понрави-

Доротея Аугуст, Женни Линде и Аня Шиллинг с Владимиром Максимовичем Садко и Валерием Супруном

лись памятные мероприятия, но ясно было, что многие бывшие заключенные были совершенно *«разбиты»*. И этого нельзя избежать, думает Владимир Садко, слишком много тут личного. Он бы охотно вернулся на это место еще раз, но не ради самого себя, а чтобы иметь возможность лично показать своему сыну, насколько чудовищное время он там провел. *«Чтобы он все это видел и может быть немножко, чуть-чуть понял то время и происходящее. Потому что, если не видеть, никакое понимание невозможно».*

Его ответ на вопрос, как он представляет себе празднование столетнего юбилея освобождения концлагерей, содержит много опасений. Он осознает, что тогда уже не будет ни одного очевидца, что общество поменяется, поскольку никто из переживших не сможет более ничего рассказать. Он говорит: *«...Все очевидцы умрут, это понятно, все уйдут. И пришедшему поколению будет очень тяжело понять, что тогда было. (...) Пусть Бог позаботится о том, чтобы не наступило то, чего я опасуюсь. Я думаю, приближаются скверные времена».*

Мечислав Щежиньски

« « « «

Мечислав Щежиньски вырос в небольшой семье на севере Варшавы. Его юность прошла в условиях немецкой оккупации. Введенный немцами распорядок и опасности, угрожающие при несоблюдении правил, определяли повседневный быт того времени. Когда началась война, отец вывез их с братом из Варшавы к бабушке, в деревню. Там Мечислав наблюдал однажды встречу русского и немецкого патрульных, при которой они обменивались сигаретами, - момент, на всю жизнь запечатлевшийся в его памяти: зрелище двух врагов, мирно общавшихся друг с другом, резко контрастировало с тем, что произошло между обоими народами в последующие годы. Мечислав Щежиньски примкнул во времена оккупации к подпольной военной организации, в которой, в частности, научился владеть оружием. Со своими родителями он об этом не говорил, но сейчас ему кажется, что они что-то подозревали. Когда началось Варшавское восстание, Мечислав был в пути со своей группой, вскоре на них напали немцы и арестовали их. Затем их доставили в транзитный лагерь и через пять дней в другой лагерь в Бреслау (Вроцлав). Туда каждый день приходили люди из различных фирм и крестьяне (так называемые «покупатели») и подбирали себе рабочую силу. Мечислав был выбран для работы на одной из фабрик.

В один из дней его арестовали, причины этого ареста он не знает до сих пор. Двое немецких солдат привели его в тюрьму, где ему велели раздеться догола, а затем стали допрашивать, избивая при этом. К боли от побоев добавлялся стыд – переводчицей была молодая поляка.

Из тюрьмы его перевели в Гросс-Розен и назначили в подразделение «Блаупункт Шиндлер», где он исполнял относительно легкую работу. Ему нужно было поддерживать постоянную температуру масла на печи. В это масло опускали конденсаторы, проверяя таким образом их качество. Как-то к нему пришел мастер и сказал, что Мечислав должен сообщать ему, если кто-то особенно часто поставяет плохо сделанные конденсаторы. Он не стал выполнять указание, вместо этого потихоньку возвращая товарищам по плену

плохо сделанные конденсаторы, чтобы те могли исправить недочеты. Многие были ему так благодарны, что даже делились приходящими от родственников передачами (тогда получение посылок еще было разрешено).

В Гросс-Розене Мечислав оставался до января 1945 года, когда его в вагоне для перевозки угля депортировали в Нордхаузен и разместили в казарме Бёлке (Boelscke-Kaserne). Вскоре он был доставлен в концлагерь Дора-Миттельбау, а после его эвакуации – в лагерь Берген-Бельзен, где был освобожден.

Заклученным сначала не разрешалось покидать лагерь, но Мечислав с несколькими друзьями совершили побег. По пути они встретились с польской армией генерала Мачека, и Мечислав немедленно вступил в нее. После роспуска армии он служил в американских частях, где числился до 1948 года в жандармерии. Когда в 1948 году он вернулся в Варшаву, мать уговорила его вернуться к учебе и получить аттестат. В это же время он познакомился со своей будущей женой. Теперь они женаты уже 60 лет, у них две дочери.

Мечислав Щежиньски с супругой

Мечислав Щежиньски с Давидом Ройковски из Фонда польско-немецкого примирения на 64-й годовщине освобождения концлагеря Дора-Миттельбау, 2009

Мечислав Щежиньски с 1948 года состоит членом «Организации бывших политических заключенных». Он также член Объединения бойцов дивизии генерала Мачека. Он и сейчас активно участвует в памятных мероприятиях и поездках обеих организаций. Главным проявлением общей памяти он считает возложение венков к могиле неизвестного солдата в Варшаве, посвященное памяти павших бойцов Польской народной армии. В настоящее время наметились некоторые изменения в проведении памятных торжеств. Так, он рассказывает: *«Мы пытаемся привязать наши торжества к официальным празднованиям. Поскольку нас становится все меньше, нам было бы трудно устраивать их самостоятельно».*

Отдельного дня, который был бы важным именно для семьи, не существует, говорит Мечислав: *«Мы связываем память с официальными датами, я тогда кладу цветы или венки, и мы помним то время».*

Он также постоянно участвует в поездках в Германию, которые организуют совместно бывшие заключенные и их организация: *«Когда я в последний раз был в Германии, состоялась также встреча с молодыми людьми, они задавали нам вопросы, а*

мы рассказывали о себе. Меня радует, что и там проявляется интерес». В Польше члены его организации также приходят в школы, рассказывают о своей жизни. Мечислав видит в этом возможность сохранить память о пережитом: *«Но пока мы живы, свидетели прошлого, пока мы воспитываем молодых людей в духе памяти о бывших политзаключенных концлагерей (...), пока мы живем, люди будут помнить об этих местах».* В то время, когда уже не останется очевид-

цев, решающую роль, по его мнению, будет играть тема лагерей и заключенных в школьном курсе истории: *«Нельзя допустить, чтобы страдания просто забылись, они должны сохраниться в памяти более молодых поколений».*

«Мы простили немцев, но это не причина, чтобы забыть такое. О подобных вещах следовало бы помнить всегда.»

В любом случае останутся памятники, так что, по его мнению, самое главное – сохранить имеющееся: *«В музее следовало бы сохранять экспонаты – бараки, стены. Чтобы никто не стянул кирпич или табличку, напоминающие о страданиях заключенных».*

Мемориальные комплексы он считает важными общественными институтами, передающими от поколения к поколению историю и память. Он считает при этом, что от самих бывших заключенных зависит, *«подвигнут ли они молодежь к совместным встречам памятных и торжественных дат. Это получится только тогда, если нам удастся сделать, чтобы они смотрели на дни освобождения лагерей как на свой праздник. Надо пытаться делать так, чтобы молодые люди видели в этом не обязанность. Было бы хорошо, если бы у них сформировался свой обычай».*

И все же в нашей беседе со стороны Мечислава был замечен некоторый скепсис в отношении будущего памяти. Так, он говорит: *«Истории присуще, что если ее не повторяют постоянно, она начинает расплываться, затем умирает и наконец полностью исчезает из сознания. Но в книгах она продолжает жить, и если кто-то захочет, сможет прочесть о ней и узнать, что тогда было в действительности. Время лечит и самые страшные раны. Когда мы умрем, не останется никого, кто бы вспоминал об этом. Тогда истории заключенных, лагерей, все это, без сомнения, уйдет».*

Моше Шен

Моше Шен, 2002

Моше Шен родился под именем Моцес Шён 7 августа в Сигете, в Румынии. Семья его переехала в 1937 году в трансильванский город Орадеа-Маре, вскоре отошедший Венгрии. Под владычеством Венгрии, связанной тогда с Германией, еврейское население должно было исполнять принудительные работы. Один офицер предложил его отцу помочь бежать в Румынию, но тот отказался, поскольку *«хотел сохранить семью и остаться со своей женой»*.

Когда в марте 1944 года вермахт вошел на территорию Венгрии, семье Шёна пришлось покинуть дом и провести несколько недель в гетто города Орадеа: *«В этом районе города жили обычно 4 тысячи евреев. Теперь же они запылили туда сто тысяч человек. В одном помещении жило по 20–25 человек, без кухни, без всего!»*

Вскоре после этого семью Шён вместе с другими евреями города депортировали в Освенцим. По совету своего отца 14-летний Моше прибавил себе шесть лет и был ранжирован как «трудоспособный», что ему, вероятно, и спасло жизнь. Вместе с другими 300 венгерскими евреями отца и сына доставили в Вольфсбург на заводы Фольксваген, где они должны были выполнять принудительные работы на производстве V1. В связи с бомбежкой фабрик Моше Шёна депортировали на осуществление подземных проектов Тирсле и Дерно во Францию, где он был тяжело ранен из-за жестокости охранников. Его отец, остававшийся с ним все время заключения, позаботился о нем, так что Моше довольно скоро поправился. В конце 1944 года их перевели в лагерь Дора-Миттельбау. 15 апреля 1945 года Моше Шён был освобожден в лагере Берген-Бельзен.

Решение Моше эмигрировать в Израиль объяснялось тем, какое значение этому придавал его отец. Собственно, Маше планировал уехать в США, но его отцу удалось убедить его вместе отправиться в Израиль. Там Моше Шен состоял в рядах израильской армии во время войны за независимость. В 1954 году он в чине офицера покинул армию и получил экономическое и бухгалтерское образование. С 1979 по 2000 годы преподавал в Школе Александра Мусса в Од-ха-Шароне, впоследствии стал ее директором. Сегодня Моше Шен живет в деревне к северу от Тель-Авива. С ним живут некоторые из его детей и внуков.

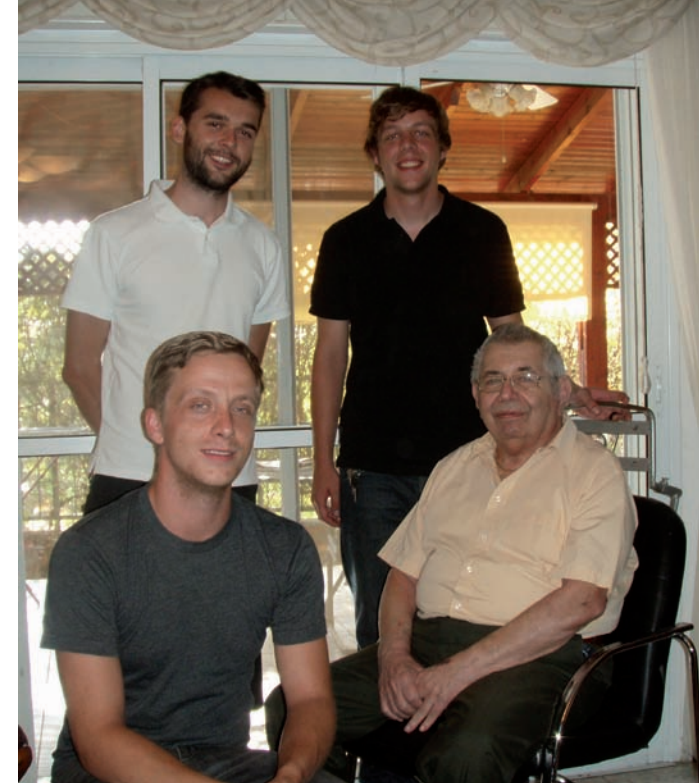
О шоа Моше Шен задумывается в первую очередь в приватном кругу. Очень редко он говорит о своих воспоминаниях публично, например, перед школьными классами, поскольку это вызывает слишком сильные эмоциональные переживания. Тем не менее он придает большое значение беседам между пережившими преследования и следующими поколениями. Шен состоит в Организации переживших из Сигета, они встречаются и поддерживают контакты друг с другом. С этой организацией он в 80-е годы, во время правления Чаушеску, ездил в Румынию, чтобы посетить места своего детства. К тому же, как говорит Шен, существует День памяти переживших преследования из Сигета, в который происходят ежегодные встречи. В Израиле во многих населенных пунктах есть группы, объединяющие бывших заключенных и членов их семей, которые сохраняют память о бывших еврейских общинах на своей родине, разработали в связи с этим собственные формы и символику. Наряду с

«Вы должны наблюдать за этим и не пренебрегать памятью, а не мы. Это ваша задача. (...) Вы должны заботиться о том, чтобы нацистская партия никогда больше не взяла верх, чтобы никогда не появился еще один гитлер, одного было достаточно. (...) Это ваша работа, для молодого поколения – бороться за то, чтобы пламя не разгорелось вновь».

этим личными и общественными формами памяти Моше Шен подчеркивает значение прежде всего израильского Дня памяти шоа (Yom HaShoah) и его важную роль в национальной культуре памяти.

О будущих воспоминаниях о шоа Моше Шен не имеет никаких иллюзий. На вопрос, как мог бы выглядеть день памяти через 50 лет, он отвечает: «50 years? 40 years? You are crazy!» И завершает на немецком: «Все минует. Все проходит». Его отношение к Германии производит впечатление скорее

*Рубен Кольберг (позади слева),
Йонас Кюне (позади справа) и
Себастьян Шёнеман из кружка
«Молодежь за Дору» при
посещении Моше Шена в Израиле*

неоднозначного. С одной стороны, Он приятно удивлен тем, как много там делается прежде всего в отношении мемориальных комплексов, сохраняющих память о переживших преследования. С другой стороны, у него вызывает беспокойство антисемитизм сегодняшнего немецкого общества. Его тревоги связаны со страхом перед ростом власти неонацистских партий, таких, как Национал-демократическая партия (NPD). В этом, по его мнению, и заключается ответственность грядущих поколений, они должны предотвратить подобные тенденции, что может быть достигнуто лишь через развитие разнообразных образовательных форм: «Это вопрос образования, это зависит от того, что преподается в школах, что рассказывают учителя, что слышат дети у себя дома».

Иван Данилович Смакакрой

« « « «

Иван Данилович родился 20 мая в Халче – маленькой деревне в Кагарлыкской области почти в 80 километрах к югу от столицы Украины Киева. После окончания семи классов начал учиться на тракторного механика в Киеве. В том же 1941 году с нападения немцев на Советский Союз началась война на Украине. В 1942 году Иван Данилович был переведен в Донецкую область для продолжения образования. Через год эвакуирован оттуда в город Дон и оставался там,

пока несколько позже не был депортирован в Германию. После двух месяцев заключения в тюрьме в Берлине на Александерплац попал в концлагерь Бухенвальд. После пребывания в зоне карантина был направлен в филиалы Бухенвальда Миттельбау, Харцунген и Элрих, а затем в штольни концлагеря Дора.

Там ему представилась возможность работать машинистом, что означало лучшие условия труда. Он воспользовался этим шансом, хотя не имел достаточных техни-

ческих знаний управления машиной. Но знания немецкого, полученные в начальной школе, помогли ему пробиться, и он в сопровождении надсмотрщика водил поезд даже за пределами лагеря. Ближе к концу войны Иван Данилович был переведен в филиал Элрих. Вскоре после этого для него начался долгий путь к освобождению – его группа находилась иногда в лесах, затем снова попадала в лагеря, потеряв представление о месте и времени.

Иван Данилович Смакакрой и Аня Шиллинг из кружка «Молодежь за Дору» после проведения интервью

Иван Данилович Смакакрой со своим другом Владимиром Степановичем Кошаном

Вскоре после освобождения в американской оккупационной зоне Иван Данилович был отправлен в Зангерхаузен, в советскую армию, в которой ему пришлось прослужить еще два года. Многим его товарищам пришлось потом даже отправиться в Японию, где они продолжали воевать.

После возвращения на Украину в 1947 году Иван Данилович Смакакрой снова работал трактористом на машинно-тракторной станции у себя на родине в Кагарлыкской области, недалеко от Халчи. Вскоре за хорошую работу его отправили на двухгодичный курс повышения квалификации. После этого он получил должность главного механика колхоза в Халче. Четырнадцать лет работал Иван Данилович в этой должности, пока, как он сам выразился, не «освободил место для молодежи».

Сегодня Иван Данилович живет на маленьком хуторе далеко за пределами родной деревни, на краю леса, занимается работой в саду и многочисленными домашними животными.

В воспоминаниях Ивана Даниловича освобождение из концлагеря непосредственно связано с еще одним испытанием: службой в Красной армии. Советский полевой комиссариат появился уже в концлагере и приказал ему: «Вон отсюда в армию! Сейчас же в армию! Я сразу отправился в Зангерхаузен, в армию и в город Зангерхаузен». Свою Родину он увидел только несколько лет спустя. В Киеве он вступил в организацию бывших узников концлагерей, однако же воспоминания и опыт у разных людей, переживших преследования, сильно различаются, и соответственно, обсуждения и дискуссии также даются нелегко. Жизнь Ивана Даниловича прошла прежде всего в постоянном преодолении сложностей сельской жизни и работы в Халче. На наш вопрос, как можно было бы передать дальше память о бывших узниках национал-социалистических концлагерей и пережитых ими страданиях, следует пауза. Потом он говорит: «Если бы я начал рассказывать все про любой отдельный день, я не знаю, сколько времени я бы рассказывал». Из этого не вполне прямого ответа можно понять, что он, во-первых, хотел бы, чтобы его собственная история

была бы передана дальше. Возникает ощущение, что наша беседа с ним – это первое настоящее интервью о том, что он пережил в концлагере. Неудивительно, что ему так оче-

видно тяжело формулировать мысли об отношении к истории в духе культуры памяти.

Из его слов «я бы хотел Вам сказать, что я очень уважаю немцев за то, что они столь внимательно относятся к документам. Здесь-то, очевидно, никто не понимает, что я был в концлагере» нетрудно сделать вывод, что он приобрел не слишком хороший опыт общения с властями Украины и – до того – Советского Союза, прежде всего, не был признан как бывший узник концлагеря. На фоне личного неприятного опыта лучше понимается и его расплывчатое видение будущей памяти о преступлениях нацистов. Его взгляд направлен не на ближайшее поколение (молодежь), а скорее на средства массовой информации. В качестве инструмента сотрудничества между людьми и сохранения памяти Иван Данилович называет телевизионную передачу «Жди меня», с помощью которой ищут и порой находят друг друга давно (часто – именно во время Второй мировой войны) пропавшие люди.

Большую роль в отношениях с прошлым, в воспоминаниях о депортации и концлагере играет его дружба с Владимиром Степановичем Кошаном. Их знакомство и дружба начались еще в то время, когда оба находились в концлагере Бухенвальд. Сегодня они живут в одной и той же деревне, хотя и на расстоянии нескольких километров друг от друга. С тех пор как Иван Данилович приобрел мотоцикл, у них есть возможность встречаться чаще.

В Нордхаузен Иван Данилович ни разу не возвращался, но ему бы очень хотелось однажды посетить мемориальный комплекс концлагеря вместе со своим внуком из Киева. В этом проявляется потребность передать свои воспоминания следующему (или идущим за ним) поколению. Эта потребность выразилась и в том радушии, с которым Иван Данилович принял нас на своем маленьком хуторе, и в готовности к беседе с нами.

Пётр Поликарпович Супрун

« « « «

Петр Поликарпович Супрун родился в 1926 году в Запорожье, на юге Украины, последним, пятым ребенком в семье. Вырос на окраине промышленного города, в квартале, больше напоминающем деревню, поблизости от которого живет и сегодня. Из-за начала Второй мировой войны у Петра Поликарповича не было возможности ни окончить среднюю школу, ни получить настоящее профессиональное образование. Когда ему было 16 лет, немецкая армия заняла город Запорожье и не давала населению возможность покинуть город. Как и многие молодые люди, Петр Поликарпович начал активную деятельность в Сопротивлении, собирая, подслушивая и подсматривая информацию о передвижении немецких войск. В 1943 году он внезапно был арестован и депортирован сначала в Днепропетровск – крупный город примерно в ста километрах к северу, а оттуда – в Польшу.

*Петр Поликарпович Супрун
с женой и их сыном Валерием,
2009*

В городе Ржешуве (Rzeszow) этап был расформирован и распределен по лагерям. Его попытку бегства из вагона заметили, и Петр Поликарпович был отправлен в город Тарнув (Tarnow), находившийся в оккупированной немцами части Польше. В Тарнуве его посадили в тюрьму для политических заключенных. Оттуда месяцем позже был отправлен в Освенцим, далее еще через месяц – в Бухенвальд и наконец в лагерь Дора-Миттельбау. Работал долгими сменами в штольнях, там же заключенные размещались и на ночь. Его отчет о перенесенном опыте содержит картины бесконечных проверок, посменной работы, а также чудовищных казней. Петр Поликарпович говорит, что ему пришлось учиться выдерживать все это, чтобы остаться в живых. В конце 1944 года его передали в филиал Элрих-Юлиусхютте. В отличие от Доры, Элрих располагался в непосредственной близости от города, и Петр Поликарпович вспоминает, что через колючую проволоку можно было видеть людей, живущих поблизости. Правда, он не мог их толком рассмотреть, потому что заключенным не разрешали останавливаться.

Петр Поликарпович подводит итог своему рассказу, что видел в жизни много плохого, много разнообразного зла. При этом он вспоминает, например, одну ситуацию, когда его едва не повесили из-за предательства, и спасла его только срочная эвакуация, вызванная приближением Красной армии. Наконец, в каком-то месте, названия которого он не знал, его этап был освобожден французскими солдатами. Из опасений, что истрадавшие от голода заключенные после пережитых мук могут нападать на местное население, солдаты заперли их в лагере. Петру Поликарповичу вместе с товарищем удалось совершить побег. Двигаясь по направлению к Родине, они дошли до Бранденбурга, освобожденного к тому времени Красной армией. Вместе с товарищем он поступил в армию солдатом.

Отслужив в армии, Петр Поликарпович вернулся в Запорожье. Работая на промышленном предприятии, он познакомился с будущей женой. В 1956 году они поженились, у них родилось двое детей. В результате трагического несчастного случая они потеряли дочь, оправиться от чего не могут до сих пор. Их сын Валерий живет со своей семьей совсем неподалеку от родителей и очень помогает им в повседневной жизни.

Петр Поликарпович Супрун и его жена на своей свадьбе, 1956

Петр Поликарпович Супрун говорит о времени, проведенном в концлагере, что тогда верил только в самого себя и ни во что другое, потому что спасение близко, если по-настоящему веришь в себя. То же отчасти касается и его отношения к событиям послевоенного времени.

Единственное отвлечение от страшных событий военного прошлого он находил в работе. Хотя по номеру-татуировке, сделанному в Освенциме, видно было, что он — бывший узник концлагеря, но он никому не мог рассказывать свой

жизненный опыт. Только его семья знала, что он побывал в Германии.

В организации бывших узников концлагерей он встретился со многими другими бывшими заключенными. Помимо регулярных встреч, они много помогали друг другу. Однако теперь возраст их таков, что организация практически исчезла.

На вопрос о том, как он относится к памяти жертв концлагерей со стороны украинского государства, он отвечает: *«Государство вообще забыло о существовании таких, как я, а может, никогда и не знало»*. Тем не менее он добавляет, что президент государства в последнее время проявлял заботу о положении бывших узников: *«Только президент подумал о нас. Он дал нам льготы»*. Эти льготы хотя и позволяют меньше платить за воду, газ и электричество, но не связаны с серьезным общественным признанием людей, депортированных когда-то в немецкие концлагеря.

Раньше Петр Поликарпович не отвечал на вопросы своего сына. Но несколько лет назад они вместе съездили в мемориал Нордхаузен на памятные мероприятия. Сегодня Валерий хорошо знаком с историей

своего отца и хотел бы передать ее дальше — своим сыновьям. Пётр Поликарпович рассказывает впечатления от поездки: *«Когда мы были там, памятное мероприятие было очень выдержанным. Были молодые люди, которые там живут. Был даже русский парень, который там живет у бабушки и учится. Они слушали, что мы говорили, а потом сразу подошли ко мне и стали подробно расспрашивать обо всем, что и как было»*.

Интервью показало, что его взгляд на отношение к истории депортированных скорее пессимистичен. Это определяется борьбой за признание в качестве жертвы национал-социализма. Тем же определяются и его представления и пожелания в отношении будущих воспоминаний.

Аня Шиллинг и Пётр Поликарпович Супрун рассматривают документы и фотографии.

Мариан Вах

« « « «

Мариан Вах со своим внуком
Кубой на 64-й годовщине
освобождения концлагеря
Дора-Миттельбау, 2009

Мариан Вах родился 27 апреля в Сломкуве, в семье с шестью детьми. Он начинал учиться в 5-м классе, когда вермахт напал на Польшу. Хотя он и не участвовал ни в какой политической организации, одна женщина из его деревни донесла на него, и 28 мая он был схвачен во время одной из облав. Был избит немецкой жандармерией, попал в заключение и подвергся допросам. 18 июня 1943 года, через несколько

недель после восстания в Варшавском гетто, его бросили в тюрьму Павиак, где снова допрашивали и избивали, чтобы добиться признания, к какой подпольной организации он якобы принадлежит. Когда в тюрьме Павиак он увидел расстрелы евреев, то попрощался с жизнью: *«Мне было только-только шестнадцать, и я ожидал смерти, я только молился»*, – рассказывает он сегодня. В камере он неожиданно столкнулся со своим братом Антоном.

В начале августа Мариан был вывезен из города и доставлен в Освенцим, где в первый раз услышал слова «концентрационный лагерь». Хотя он был тяжело болен, но выдержал многочисленные селекционные. Помощь ему оказывал польский врач по имени Марковский, которому удалось больше 200 дней «скрывать» его в больничном корпусе, а затем с помощью сфальсифицированных документов отправить на легкую работу в качестве слесаря. По словам Мариана, среди людей более старшего возраста было своеобразным «долгом» защищать молодых. В связи с наступлением Красной армии его депортировали сначала в

Бухенвальд, а затем дальше, в лагерь Дора-Миттельбау, где ему пришлось работать в штольне, в камере 36. В ходе эвакуации концлагеря Дора-Миттельбау его отправили в марш смерти в Равенсбрюк. Оттуда через несколько дней переехали в еще один лагерь, где он был освобожден.

После возвращения домой ему понадобился целый год, чтобы прийти в себя и поправить здоровье. С его четырьмя годами школьного образования он не нашел возможности дальнейшей учебы и поэтому пошел работать в милицию: *«В лагере я много выучил об идеологии, и хотя я не знал, что значит милиция, но решил попробовать»*. Позже он стал секретарем Польской Объединенной Рабочей Партии (PZPR) и женился.

После этого для Мариана начался, по его словам, «второй Освенцим». На него снова донесли и он, как «политически неблагонадежный», оказался под наблюдением секретной службы. Его обвиняли в содействии Армии Крайовой, за что ему, как члену государственной администрации, полагалась смертная казнь. Следствие длилось два года и наконец закончилось в 1952 году, после чего Мариан, глубоко разочарованный и разгневанный, подал прошение об увольнении с должности офицера милиции. Без профессионального диплома, обладая лишь смутным представлением об административной деятельности, но все еще будучи членом партии, он получил работу в отделе кадров одного предприятия. И дальше оставаясь под наблюдением секретной службы, он через некоторое время был уволен с должности из-за критических высказываний. В конце концов Мариан был назначен заместителем председателя общества инвалидов, откуда перемещен в учреждение для несовершеннолетних. Чтобы избежать дальнейших репрессий, он перебрался вместе с женой в сельскую местность. После «оттепели» в Польше, в конце 50-х годов, был задействован в различных объединениях, за что впоследствии получал награды. В 1963 году он окончательно вышел из партии: *«От членства в различных политических организациях, таких как PZPR (Польская Объединенная Рабочая Партия) я излечился и не хотел бы, чтобы в моей семье, среди моих детей кто-то принадлежал бы к какой-либо партии, все равно – правой или левой»*.

Мариан Вах рассказал нам, что после возвращения в Польшу он довольно редко говорил о пережитом, поскольку ему тяжело давались рассказы об этих трагических событиях. Он сказал, что люди часто не верили в реальность подобных преступлений. В особенности уничтожение людей в газовых камерах многим казалось невероятным.

Насколько тяжело ему было говорить о произошедшем, настолько же трудно было вернуться в эти места вновь. В интервью он рассказывает: *«В Освенцим я в первый раз прибыл во время официальной экскурсии, когда был заместителем председателя общества инвалидов. (...) Я попытался избавиться от так называемого гида еще у ворот лагеря. Я сказал ему: «Давайте я сам расскажу, я все это знаю». Он отошел в сторону, а я... я пошел назад и вообще не стал заходить туда».*

Вскоре после возвращения в Польшу Мариан Вах вступил в союз бывших узников, занимавшееся помощью бывшим узникам в решении экономических и социальных вопросов. Союз располагал домами отдыха, реабилитационными учреждениями и предприятиями, которые могли использовать люди, пережившие концлагеря. На вопрос, как он расценивает ситуацию бывших узников в послевоенной Польше, он дает скорее негативный ответ: в 1949 году его Союз, как и другие организации бывших узников, был присоединен к Центральному обществу борцов за свободу и демократию (ZBoWiD). У них отобрали их деньги, учреждения и полномочия, а их самих включили в состав ZBoWiD, после чего большинство членов покинули союз, поскольку с тех пор он существовало практически только на бумаге. Только со сменой системы в 90-х годах ситуация улучшилась, и Союз вновь получил экономическую и политическую самостоятельность.

Главную свою цель Союз видит в том, чтобы донести до сознания общества разницу в отношении к бывшим узникам из Западной и Восточной Европы. Мариан Вах объяснил, что пережившие преследования из Восточной Европы до сегодняшнего дня получают лишь ничтожную часть тех компенсаций, а вместе с ними и социального признания, которые достаются бывшим узникам из Западной Европы. Его общество выступает за устранение этого дисбаланса в отношении

к бывшим узникам, но при этом практически не получает поддержки со стороны польского правительства. Столь же недостаточна и деятельность правительства, направленная на то, чтобы добиться признания преступлений в Катыни, Медном и других местах бывшего Советского Союза. По прошествии стольких лет Россия до сих пор не признает совершенного в Катыни и не выплачивает компенсаций семьям жертв.

В общем и целом воззрения и деятельность Мариана Ваха свидетельствуют о его большом интересе к вопросам справедливости и человечности. Так, он сказал: *«Я знаю, что значит голодать. (...) Я понимаю, как человек ведет себя с самим собой, как он ведет себя в семье и по отношению к близким, насколько человек проявляет уважение к жителям других стран, будь они желтые, черные или белые. И на то есть причина: в клетках моего мозга отпечаталось, что я вылетел бы на тот свет через трубу какого-нибудь из этих лагерей, если бы мне не помогли другие люди».*

В отношении того, кому в будущем предстоит нести ответственность за сохранение воспоминаний, Мартин Вах ответил, что это долг как государственных правительств, так и молодежи: *«Будущие поколения должны настаивать на том, чтобы музеи долгими веками сохраняли память. Для этого, конечно, требуется много людей, это дело очень дорогостоящее. Однако правительства не должны скупиться на такие расходы, потому что нас уже не будет, а память, передача будущим поколениям памяти об убитых столь же необходимы, как воздух для дыхания, как солнце и вода».*

Члены кружка «Молодежь за Дору» при посещении семьи Вахов в Польше

В конце нашего проекта, продолжавшегося более года, у нас в руках оказалось 15 биографий различных людей, чьи жизненные пути пересекались в одном: все они содержат опыт насилия, пережитого в концлагерях национал-социализма. Но этот опыт очень разный, он отличается и причинами ареста, и различными шансами на выживание, различными стратегиями выживания, а также местами нахождения тюрем и лагерей.

Однако в наших интервью с бывшими узниками мы не останавливаемся на этом, а идем дальше – задаем вопросы, как продолжалась их жизнь после войны и какое значение для них имело время, проведенное в лагерях, – вплоть до сегодняшнего дня. Исходя из таких целей, мы хотели выяснить, как они представляют себе будущие воспоминания о том, что им пришлось пережить, через примерно 65 лет.

Когда мы попытались подытожить все 15 интервью в отношении нашей тематики, представления респондентов показались нам поначалу столь же индивидуальными и разнообразными, как сами люди, с которыми мы общались. Диапазон очень широк – от полного пессимизма и удрученности до удивительного подъема, вызванного интересом к их судьбам и полному доверию к тому, что их опыт будет передан идущим далее поколениям. Представления о способе такой передачи иногда смутные, читаемые лишь между строк, а иногда – наоборот, формулируются четко, открыто и в высшей степени конкретно. В связи с этим возникают вопросы, с одной стороны – о факторах, которые обуславливают такое многообразие, а с другой – об общих и подпадающих обобщению тенденциях внутри этого спектра.

Первое «поле» для передачи воспоминаний представляет собой для почти всех опрошенных собственная семья. Но оказалось, что момент времени, когда они начали рассказывать о пережитом, был очень разным: кто-то начал говорить сразу после возвращения, кто-то – лишь спустя десятилетия. Это связано, с одной стороны, с индивидуальными фак-

торами, с другой – с коллективными судьбами различных групп жертв.

Большинство наших респондентов, как в Западной, так и в Восточной Европе, а также в Израиле, вскоре после окончания войны стали членами объединений бывших узников. Такие организации объединяются как по признаку конкретных мест заключения, так и по политическим воззрениям. Именно в контексте существования таких организаций обсуждается уход поколения очевидцев. Даже если число их членов сильно сократилось, тем не менее некоторые из опрошенных именно в этих обществах видят шанс для поддержания памяти, поскольку в них собираются дети бывших узников и другие заинтересованные лица. В интересе и активном участии третьих лиц многие респонденты видят возможность для продолжения деятельности союзов бывших узников. При этом они осознают, что с уходом последних очевидцев наступят коренные изменения, и нередко это вызывает у них серьезную тревогу. Почти все высказали допущение, что память если и не исчезнет, то значение ее заметно снизится.

Интервью показали, что отдельные респонденты в соответствии с собственным опытом, интересами и полем деятельности видят разные общественные и политические институции в роли ответственных за передачу памяти о жертвах лагерей. Спектр очень широк: от средств массовой информации, которым надлежит на забывать данную тему, до судебных процессов над нацистскими преступниками или до введения специальных государственных должностей в Германии и других странах.

Для всех респондентов очень важно, чтобы следующее поколение и молодежь в целом были осведомлены об эпохе национал-социализма и совершенных тогда преступлениях. Образование и просвещение в школах и мемориальных комплексах рассматривается при этом как важная форма распространения знаний и памяти, которая может противостоять повторению истории.

Будущее памяти многие бывшие узники видят в книгах, мемориальных комплексах в местах концлагерей, музеях, а также памятниках. В этих материальных формах сохранения знаний и опыта они видят стабильность и устойчивость, дающие надежду на то, что память о них не исчезнет. Прак-

тически все опрошенные высоко оценивают сохранение аутентичных мест, что соответствует и пожеланиям «Завещания переживших», переданном 25 января 2009 года председателю Бундестага Норберту Ламмерту. При этом обнаруживаются, однако, совершенно разные представления о содержании и способах обустройства этих мест. Например, если с одной стороны высказываются мысли о восстановлении в мемориальных комплексах барачных, чтобы наглядно показать условия жизни в лагерях, то другие респонденты отвергают подобную реконструкцию. Что касается лагеря Дора-Миттельбау, то штольни и другие подземные сооружения обладают очень высоким потенциалом для наглядной иллюстрации истории.

Столь же неоднозначны и требования, предъявляемые к книгам по истории. Во-первых, исторические научные исследования расцениваются как важные и необходимые, поскольку они подтверждают и вместе с тем удостоверяют многочисленные свидетельства оставшихся в живых узников. С другой стороны, понятно, что такие свидетельства крайне индивидуальны, а это лишь крайне редко учитывается при историческом анализе, так что в аналитических работах человеческие судьбы отходят на задний план. Большинство опрошенных придерживается мнения, что эти различные формы не способны заменить личную передачу воспоминаний «из первых рук».

После подведения итогов стало ясно, что на представления о будущем сильно воздействуют не только личные факторы, но и национальные формы культуры памяти, существующие в различных странах. В соответствии с этим можно констатировать относительно уверенный взгляд на будущее памяти жертв нацизма у западноевропейских бывших узников, в то время как в Восточной Европе, а также в Израиле на сохранение памяти после ухода из жизни очевидцев смотрят скорее скептически. Западноевропейские формы сохранения и передачи памяти более институционализированы, что проявляется, в частности, в том, что скорее здесь, чем в Восточной Европе, работу памяти в объединениях бывших узников продолжают следующие поколения. Причины этого лежат, безусловно, в территориальной близости, и в том, что

по Западной Европе гораздо легче перемещаться, что очень важно для установления более тесных и надежных контактов с мемориальными комплексами в Германии. Результат этого: представления и пожелания здешних бывших узников намного конкретнее, чем у жителей Восточной Европы, в особенности у наших украинских респондентов. Для Восточной Европы, с одной стороны, характерно, что память о нацистских лагерях отчасти перекрывается последующим опытом сталинизма. С другой стороны, продолжавшаяся десятилетиями борьба за признание в качестве жертвы национал-социализма и получение соответствующего возмещения также явно сказывается на том, как они представляют будущую память.

Возникает впечатление, что ПРИЗНАНИЕ является общим ключевым понятием, через призму которого можно понять как отношение бывших узников к собственным личным и коллективным страданиям, так и вытекающие из этого ожидания на будущее. В различных контекстах, но почти в каждом рассказе бывших узников звучит, что они сталкивались с непониманием и отсутствием интереса к своей судьбе и оставались один на один со страшным пережитым опытом. Это касается как личного пространства, так и общественного, и политического.

Именно этот горький опыт виноват в том, что люди, принадлежащие к различным группам узников, отмежевываются друг от друга – они видят подлинный и мнимый дисбаланс в отношении к ним со стороны общества.

Напротив, полное единодушие царит в вопросе о том, что память о преступлениях национал-социализма должна быть передана далее и истолкована последующими поколениями как призыв к предотвращению повторения истории. Наши респонденты ясно осознают, насколько велика в этом их собственная роль. Они не могут дать нам точных рецептов, как должны выглядеть воспоминания в отсутствие очевидцев. Однако их пожелания, ожидания и надежды, а также разочарования и тревоги могут дать нам импульс и призвать к сохранению памяти о них, а также о тех, у кого никогда не было шанса оставить после себя хоть какое-то свидетельство.

Этот проект не был бы возможен без разнообразной помощи и поддержки со стороны многих замечательных людей. В первую очередь мы бы хотели поблагодарить всех тех людей, у которых мы брали интервью. За их готовность рассказать о своей жизни и ответить на вопросы о будущем памяти. Мы приносим им нашу глубочайшую благодарность. Мы также благодарим их семьи, которые оказали нам сердечный и радушный прием, предоставили жилье и все необходимое. Мы провели с ними незабываемые часы – прекрасные, познавательные и трогательные, впечатления от которых останутся с нами навсегда. Большое Вам спасибо.

Также нам хотелось бы поблагодарить переводчиков: *Надю Думлер, Катю Фрайганг, Еву Голату, Барбару Хан, Йоханнеса Хампеля, Аню Канбах, Дорота Теппер, Татьяну Хорват, Аню Майер, Артура Осински, Катю Прохаску, Давида Ройковски, Йохима Шойера, Сильвию Хаузе, Франческу Шьортино, Симонету Витагльяно*. Все они помогли нам преодолеть языковые барьеры, помогли нам и нашим респондентам понять друг друга. Их участие внесло серьезный вклад в успех проекта.

Мы благодарим *Сюзанне Урбан*, которая с самого начала сопровождала проект и поддерживала нас как профессиональными, так и человеческими советами. Именно в самую сложную начальную фазу она дала нам важный импульс, вывела на верный путь и всегда оставалась нашим другом и помощником.

Мы также сердечно благодарим фотографа *Эгона Вьекослава Словинича*, который передал нам замечательную фотографию Бориса Пахора.

Мы очень благодарны и нашим партнерам-координаторам – *Международной школе изучения Холокоста Яд ва-Шем (International School for Holocaust Studies Yad Vashem), Международной службе розыска (ITS) в Бад Арользене, Фонду польско-немецкого примирения и открытому каналу Айхсфельд*. Все они различным образом поддерживали проект и помогли нам воплотить его в жизнь. Большое спасибо и другим людям, поддержавшим нас: *Андре Ханзену, Кармен*

Хаузе, Брите Хайнрихс, Михаэлю Хайнцу, Марко Пейроло, Филиппе Рейкс. Их помощь в большом и малом, их знания, советы, технические приборы, а главное, живой интерес и доброжелательность – все это облегчало нашу работу и помогало выбираться из затруднительных ситуаций, в которые мы порой попадали. За помощь и техническую поддержку мы благодарим также сотрудников *мемориального комплекса «Дора-Миттельбау»*, а также *Украинский центр изучения Холокоста*.

Особую благодарность нужно выразить и всем членам кружка «Молодежь за Дору», которые осуществляли, сопровождали и поддерживали проект. Спасибо *Томасу Зеппельту*, который с изяществом и остроумием сделал верстку брошюры.

Большое спасибо тем организациям, чья финансовая и иная материальная помощь помогла осуществить проект в той форме, в какой он был сделан: *Фонду «Память, ответственность и будущее», Программе «Историческая мастерская Европа», Фонду памяти депортированных (Fondation pour la Mémoire de la Déportation (FMD) & Commission Dora, Ellrich)*, а также фонду «Западно-восточные встречи». Мы благодарим *Аню Шиллинг*, которая взяла на себя учет финансовых средств.

Проект осуществлен в рамках Программы «Историческая мастерская Европы» из средств Фонда «Память, ответственность и будущее».

Звукозапись, видеозапись и монтаж:
Андре Ханзен, Кармен Хаузе

Impressum

Выходные данные:

Jugend für Dora e.V.
c/o KZ-Gedenkstätte Mittelbau-Dora
Kohnsteinweg 20
99734 Nordhausen

Контакт:

www.zukunftderzeitzeugen.de
www.jfd-ev.org

Редакторы:

Йозефина Ульбрихт
Мартин Клеменс Винтер

Верстка и набор: Томас Зеппельт

Печать: Типография Томас, Лейпциг

Дата издания: апрель 2010

Проект осуществлен в рамках Программы «Историческая мастерская Европы» из средств Фонда «Память, ответственность и будущее».

Через 65 лет после окончания Второй мировой войны 15 бывших узников национал-социалистических концентрационных лагерей и лагерей уничтожения из Бельгии, Франции, Израиля, Италии, Польши и Украины рассказывают о том, как они представляют себе будущие воспоминания о них и миллионах других людей, переживших преступления нацизма. Как они вспоминают пережитое в кругу семьи и друзей? Как они воспринимают отношение с нацистским прошлым в Германии и мире? Что будет означать понятие «память» в то время, когда уже не будет живых очевидцев? Кто должен передавать память дальше и с какой целью?

В рамках проекта «Будущее очевидцев», продолжавшегося более года, члены кружка «Молодежь за Дору» посетили бывших узников концлагерей в странах Западной и Восточной Европы, а также в Израиле и обсудили с ними эти и другие вопросы.

Одним из итогов проекта стало данное издание. В нем собраны биографии опрошенных и краткое изложение проведенных с ними интервью, а также первые ответы на вопросы. Выдержки из интервью, систематизированные в соответствии с видеозаписями, знакомят с пожеланиями, ожиданиями и представлениями, а также тревогами и опасениями бывших заключенных в отношении будущего памяти о перенесенных ими страданиях.